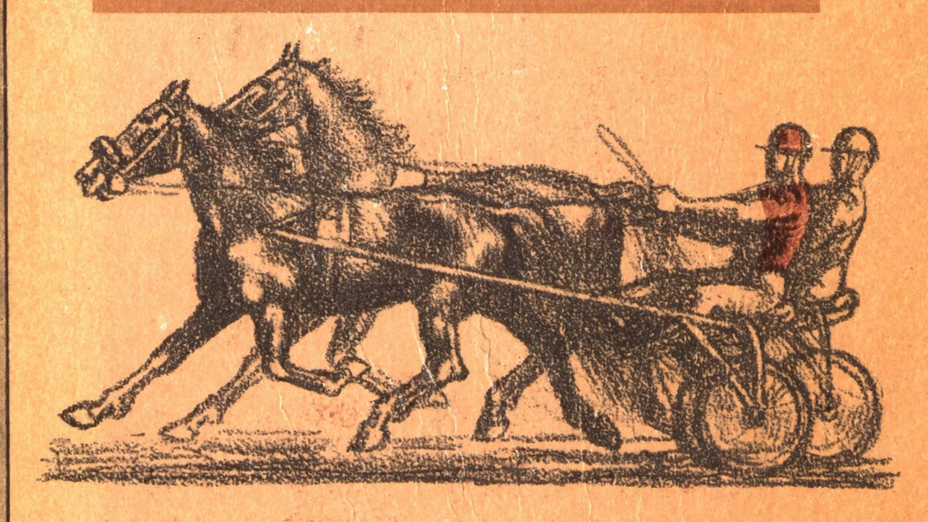
ИГОРЬ АКИМУШКИН

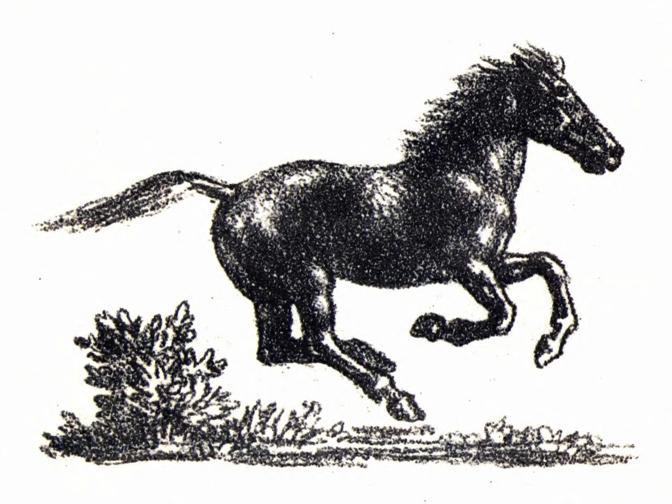
НА КОНЕ — ЧЕРЕЗ ВЕКА



ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ИГОРЬ АКИМУШКИН

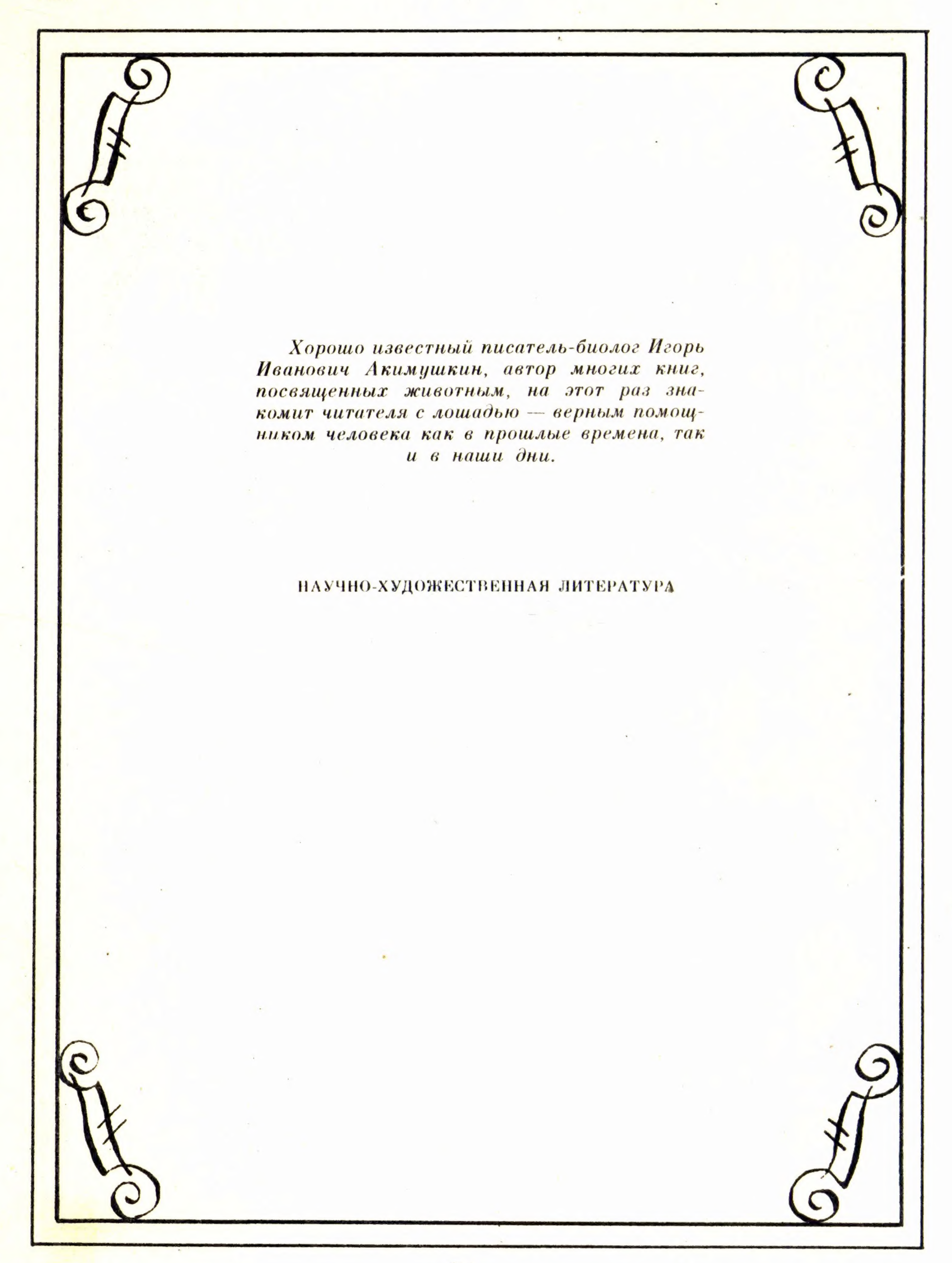
НА КОНЕ — ЧЕРЕЗ ВЕКА



Рисунки И. Нахимова

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1981

636.1 ББК 46.1
А39

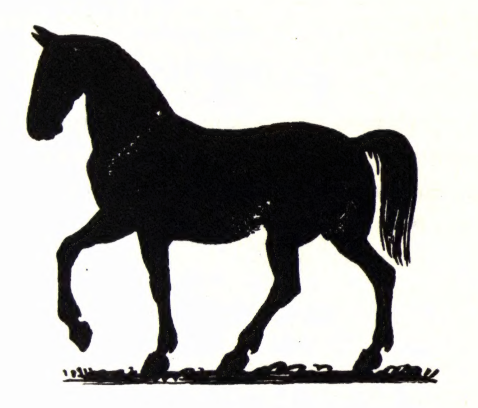


Хорошо известный писатель-биолог Игорь Иванович Акимушкин, автор многих книг, посвященных животным, на этот раз знакомит читателя с лошадью — верным помощником человека как в прошлые времена, так и в наши дни.

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

А $\frac{70803-351}{М101(03)81}$ 435—81

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981 г.



СИВКИ-БУРКИ

Они из отряда буйных носорогов и своенравных зебр, но их подчинение воле человека похоже на разумное согласие между существами, объединенными общей целью. Мы едва ли преувеличим, если скажем, что для нас союз с лошадью был одним из самых плодотворных из всех союзов, когда-либо заключенных с животными.

А вначале было приручение, равное подвигу. Из необъятного животного мира люди удачно выбрали лучшего представителя. Взгляните на лошадь. Ее вогнутая спина за холкой как будто специально создана для седла, ее удлиненная морда и плечи — для хомута, и только у нее во рту возможны удила. Ее ноги — для быстрого бега; ее копыта — для подков, а ее неутомимость в работе выше, чем у такого силача, как слон.

У лошади удивительная память на места и предметы. Кому приходилось довериться лошади на ночных осенних дорогах, где и днем не мудрено заблудиться, тот навсегда оставит в своем сердце глубокое уважение к ее искусству ориентирования: она — пусть хоть ни зги не видать! — привезет к дому.

Диву даешься прозорливости первобытного скотовода, разгадавшего и другие достоинства гривастых зверей. Проработав двадцать часов в сутки, лошадь только немного поспит — хоть стоя! — и умудряется еще пастись. Причем, если есть такая необходимость,— на израсходованных пастбищах, где коровы не могут урвать ни травинки. И не имеет вредной привычки выдергивать растения с корнем, как это делают козы. Кстати, пропитать лошадь чрезвычайно легко: два килограмма овса в день —

и она сыта. А в трудные военные годы лошади, обходясь часто соломенной сечкой, чуть присыпанной мукой, везли и пахали, бороновали и собирали урожай для пользы фронта.

Трудолюбие лошадей бесконечно. Молодая кобылица, готовясь стать матерью, не требует к себе, несмотря на трудное свое положение, особого внимания, работает до той самой минуты, когда возле нее появится жеребенок.

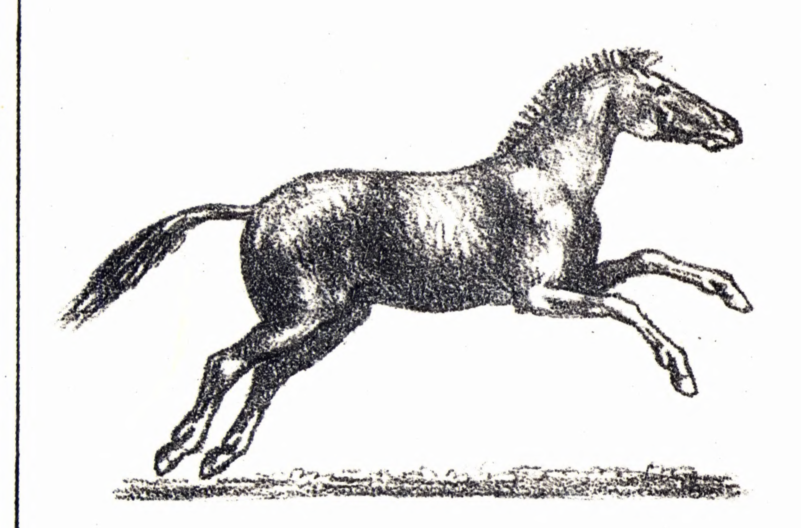
Честная судьба лошади — впрягшись, тянуть лямку до самого своего последнего дня, даже до последнего часа. Нередко она умирает в сбруе. Живут лошади долго — до сорока лет. Старый Билли — лошадь, побившая рекорд долголетия среди своих собратьев,— прожил шестьдесят два года, отдав из них работе верных шестьдесят.

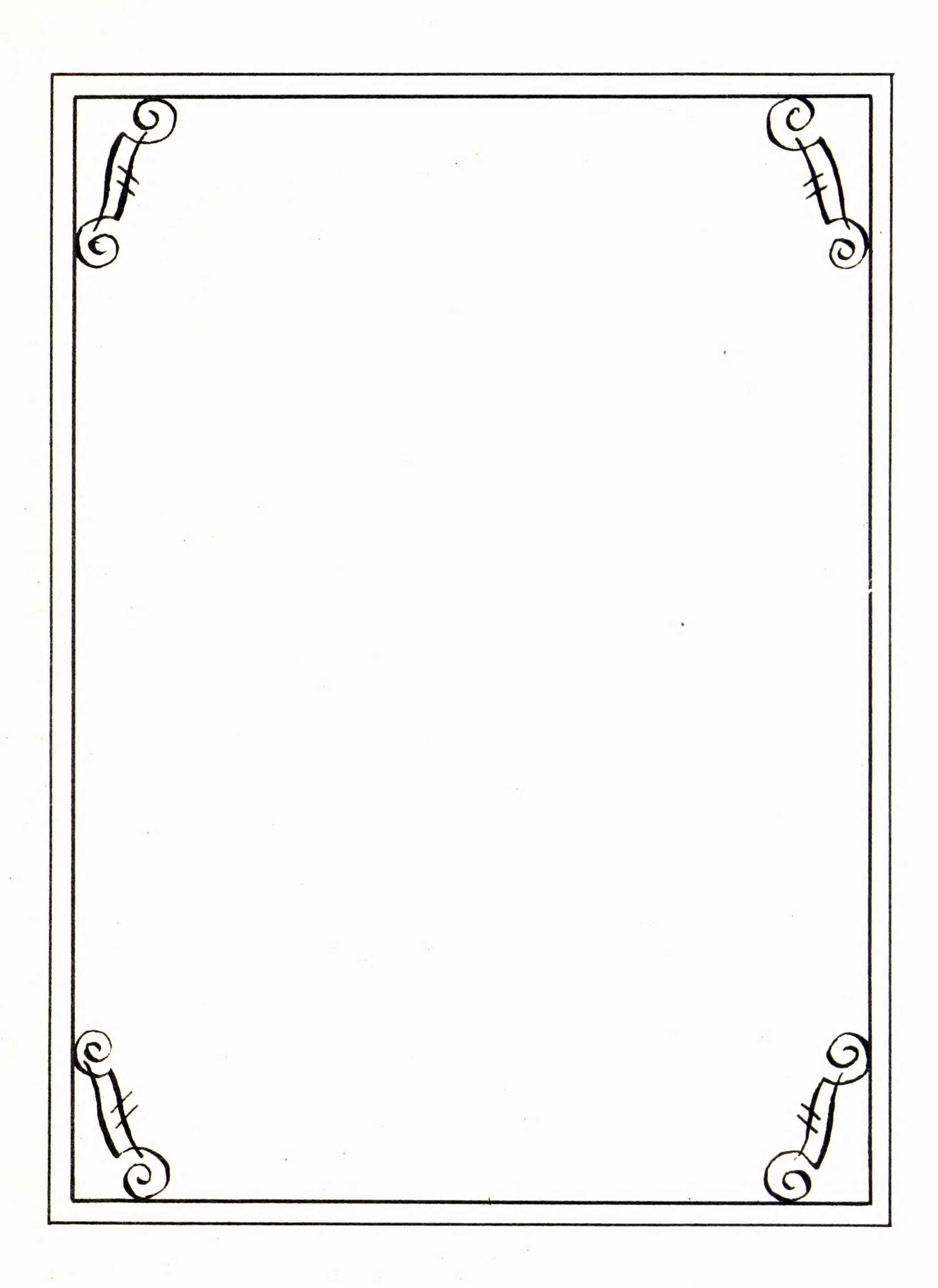
Первый дрессировщик лошади, открывший ее, как открывают для жизни огромные континенты, достоин памятника почти от каждого народа. Одним это открытие принесло военную славу, других спасало от голода. Хотя во многих странах конина не принята как питание, но это продукт, и весьма ценный. Скольким он помог выжить в годы разрухи! Помните у Маяковского: «Сижу и ем кусок конский...» А бишбармак из конины вы пробовали? Отменное блюдо, дающее силу джигитам.

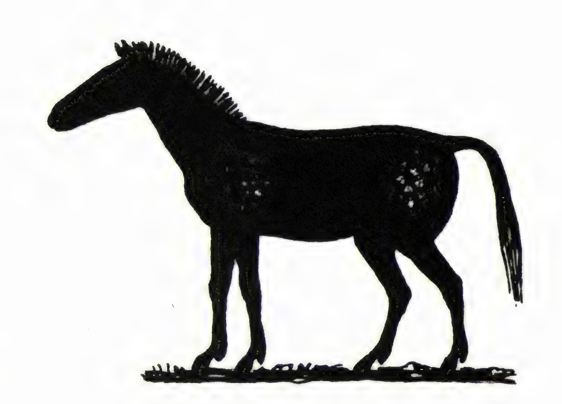
Кумыс из кобыльего молока — целебнейший из препаратов, создаваемых природой. Лев Толстой в молодости заболел чахоткой и был обречен: непреодолимой была эта болезнь для медицины девятнадцатого века. Но он, по чьему-то мудрому совету, поехал в Казахстан, пожил, попивая кумыс, лето в юрте, возле табуна кобылиц, и вернулся домой здоровым. И написаны девяносто томов сочинений — гордость нашего народа! А ведь могло бы случиться...

Поистине одного памятника мало тому, кто сумел взять на службу животное с такими достоинствами!

ДИКИЕ ПРЕДКИ И РОДИЧИ







«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА» ЛОШАДЬ?

Если бы вы увидели в лесу предка лошади, никогда бы и не подумали, что от него произошли наши кони. Эогиппус — так звали этого предка — ростом был не больше лисицы. Голову имел маленькую, шею короткую, спину горбатую, шкуру полосатую, а лапы четырехпалые (передние) и трехпалые (задние). Жил эогиппус в сырых лесах Северной Америки пятьдесят миллионов лет назад, питался листьями и напоминал повадками неуклюжего тапира.

Было несколько разновидностей эогиппусов, некоторые из них рано переселились в Европу (по-видимому, через «мост», существовавший тогда на севере между Канадой, Гренландией, Исландией и Скандинавией). Европейский потомок эогиппуса — палеотерий — могучим телосложением напоминал носорога. Первым лошадям в Европе не повезло: здесь они все вымерли.

Но в Америке род их по-прежнему процветал. От эогиппуса произошел орогиппус, а от него — трехпалый мезогиппус, который был уже ростом с овцу. Тут в истории лошадей случилось важное событие: сырые тропические леса, покрывавшие большую часть планеты, стали всюду исчезать. Появились степи и луговые травы. Мезогиппусы робко вышли из лесных зарослей и рискнули начать новую жизнь под открытым небом прерий. Питаться стали травой. В степи их преследовали быстроногие предки волков. Спасение было только в одном: научиться бегать быстрее хищников. Лишние пальцы на ногах стали обузой (на одном пальце бегать легче!), и мы видим (по ископаемым костям), как у предков лошадей стал исчезать палец за пальцем, пока на каждой ноге не осталось

лишь по одному. Лошадь превратилась в однокопытное животное. Но превращение это наступило не сразу.

От мезогиппуса произошел меригиппус, а затем стройный гиппарион (ростом чуть пониже зебры). Два недоразвитых боковых пальца на его ногах не касались земли. Трехпалый гиппарион бегал, следовательно, уже на одном пальце.

Едва ли какое-нибудь другое четвероногое животное встречалось такими колоссальными стадами, как гиппарион. Миллионные полчища этих элегантных лошадей через перешеек, соединявший в те времена Чукотку и Аляску, проникли из Северной Америки в Азию, а затем и в Европу.

Бесчисленные табуны гиппарионов галопировали по равнинам Евразийского континента. Их ископаемые остатки так многочисленны, что палеонтологи назвали «фауной гиппариона» весь комплекс живых существ, обитавших в тех же степях, в одно время с этими лошадьми.

В Африку, Южную Америку и Австралию гиппарионы не сумели пробраться: тогда эти страны отделялись от Северной Америки, Азии и Европы широкими проливами и морями.

Прошло несколько миллионов лет, и все гиппарионы вымерли.

Более счастливая судьба ожидала двоюродного, так сказать, брата гиппариона (конечно, в эволюционном, а не в бытовом смысле) — плиогиппуса. От него-то и произошли наши лошади. Когда-то табуны плиогиппусов населяли всю Северную и Южную Америку, Европу, Азию и Африку (к тому времени эти материки снова соединились перешейками). Среди древних лошадей были очень интересные разновидности: одни ростом больше самого крупного тяжеловоза, другие — меньше карликового пони. Но миллион лет назад все лошади в Америке по непонятной причине вымерли.

В Африке уцелели лишь зебры и ослы, а в Европе и Азии — два диких вида, история которых отныне тесно сплетена с судьбой человека.

В ледниковое время, несколько десятков тысяч лет назад, дикие лошади водились еще по всей Европе. Вместе с мамонтами и северными оленями они часто попадали на обед к троглодитам. Конечно, не как званые гости, а как лучшее блюдо в их меню. О том свидетельствуют кухонные отбросы наших предков — огромные кучи раздробленных

костей, исследованные антропологами. В одной из них нашли остатки десяти тысяч съеденных лошадей. Прародители наши, как видно, не страдали отсутствием аппетита.

ДИКАЯ «ТЕТУШКА» — ЛОШАДЬ ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Когда победоносные русские войска, разгромив Наполеона, вступили в Париж, то событие это, решительно изменившее судьбы Европы, оставило некоторый след и в истории зоологии. В том году английский полковник Гамильтон Смит познакомился в Париже с союзниками своими, казачьими офицерами, и они рассказали ему, что в Монголии, близко от границ России, живут в пустынях дикие лошади.

Рассказ этот поразил Смита. Дело в том, что в науке в то время прочно пустила корни весьма пессимистическая, но, к счастью, ложная теория, будто диких предков лошадей не осталось уже на планете. Они все давно вымерли.

Смит, когда вернулся в Англию, опубликовал все, что услышал от казаков. Дикие лошади, или, по-татарски, тарпаны, писал он, держатся большими табунами. В табуне много косяков. Каждый косяк водит и стережет старый жеребец. Самые чистокровные тарпаны живут ближе к границам Китая. Они предпочитают простор степей и пасутся, выстроившись гуськом головой против ветра. Жеребец-предводитель ревниво опекает свой косяк, бегает вокруг: высматривает врагов и гонит прочь молодых жеребцов. Те держатся в стороне, пока не повзрослеют и не обзаведутся собственным стадом.

Итак, Смит со слов своих русских корреспондентов, составил довольно точное описание диких лошадей. Но натуралисты, кажется, не придали серьезного значения его словам. Все настоящие дикие лошади давно вымерли — таков был вынесенный ими приговор. Более полувека оставался он в силе. До 1877 года.

В том году Николай Михайлович Пржевальский вернулся из Джунгарии и привез шкуру дикой лошади.

Он и раньше, во время первого своего путешествия в Монголию, в 1870—1873 годах, много слышал о диких лошадях, «которых монголы называют «дзерлик-аду» (дикий табун)... По словам рассказчиков, эти

лошади... чрезвычайно осторожны, так что, будучи испуганы человеком, бегут без оглядки несколько дней и возвращаются на прежнее место лишь через год или два».

Немного позднее Пржевальский в новых путешествиях в Центральную Азию прошел через пустыни Джунгарии, и там он увидел своими глазами неуловимых дзерлик-аду.

«Мне лично,— пишет он,— удалось встретить только два стада диких лошадей. К одному из них можно было подкрасться на меткий выстрел, но звери почуяли по ветру, по крайней мере за версту, моего товарища и пустились на уход. Жеребец бежал впереди, оттопырив хвост и выгнув шею, вообще с посадкою совершенно лошадиною; за ним следовали семь, вероятно, самок. По временам звери останавливались, толпились, смотрели в мою сторону и иногда лягались друг с другом; затем опять бежали рысью и наконец скрылись в пустыне».

Пржевальскому так и не удалось приблизиться «на меткий выстрел» ни к одной дикой лошади, но череп ее и шкуру он все-таки добыл. Их подарил ему А. К. Тиханов, начальник Зейсанского поста (близкого к русско-китайской границе поселка, в котором Пржевальский закончил свое второе центрально-азиатское путешествие). А к Тиханову шкура попала от киргизов-охотников, промышлявших в центральной Джунгарии.

В 1888 году Николай Михайлович Пржевальский отправился в новую экспедицию в Центральную Азию. Но случилось непоправимое: недалеко от Иссык-Куля в поселке Каракол он заболел брюшным тифом и умер. Мир потерял одного из своих величайших путешественников и открывателей. Но ученики и последователи Пржевальского продолжали дело, начатое им. Русские исследователи Козлов, Певцов, Роборовский, Клеменц, братья Грум-Гржимайло проникли в самый центр азиатского материка по путям, разведанным Пржевальским. Они привезли еще несколько шкур и черепов диких лошадей и интересные рассказы об их повадках и образе жизни.

Дикие лошади, пишет М. В. Певцов, «живут преимущественно в больших песках... покрытых... высоким саксаулом». Встречаются здесь и «плоские впадины, поросшие редким приземистым камышом и немногими солянками, которыми и питаются живущие в тех песках дикие лошади, верблюды, куланы и антилопы». Водоносные слои залегают там неглубоко, и поэтому копытные легко добывают воду. «Они выбивают ногами в наиболее углубленных местах впадин довольно большие ямы,

наполняющиеся солоноватой водой, и приходят к ним на водопой. Из песков животные выходят нередко на север, в щебнедревесную пустыню, покрытую местами тощим кипцом, и там пасутся долгое время, если в этой безводной пустыне лежит кое-где снег».

Забегают они из песков и на юг, «в обширный лиственный лес». Пищи и воды в нем вдоволь, но чересчур много комаров и гнуса. Поэтому летом дикие лошади стараются пореже наведываться в леса.

Днем они обычно держатся в глухих пустынных местах, а ночью, чутко принюхиваясь и тревожно всхрапывая, выходят на пастбища и водопои. Ходят они гуськом друг за другом по протоптанным ими же тропинкам.

Кочуют обычно небольшими стадами по пять — двадцать лошадей. Водит косяк всегда старый жеребец. Он очень смел и дик и предан своему косяку.

«Не успел я отползти шестидесяти шагов,— вспоминает Грум-Гржимайло о своей встрече с табуном диких лошадей,— как с фырканьем и храпом вылетел из кустов жеребец. Казалось, это сказочная лошадь — так хорош был дикарь! Описав крутую дугу около меня, он поднялся на дыбы, как бы желая своим свирепым видом и храпом испугать меня. Клубы пара вышли из его ноздрей... Он снова пронесся карьером мимо меня и остановился с подветренной стороны. Тут, поднявшись на дыбы, он с силой втянул воздух и, фыркнув, как-то визгливо заржал. Табун, стоявший цугом, мордами к нам, как по команде, повернулся кругом (причем лошадь, бывшая в голове, снова перебежала вперед) и рысью помчался от озера. Жеребец, дав отбежать табуну шагов на двести, последовал за ним, то и дело описывая направо и налево дуги, становясь на дыбы и фыркая».

Заметив, что погоня приближается, жеребец бросается к табуну, «ржет, понукает отстающих, подталкивает мордой слабеющих жеребят и прикрывает тыл табуна».

Грум-Гржимайло рассказывает: «Он понукал маленького жеребенка, который не мог поспеть за всеми на своих слабых ножках. Сперва, когда жеребенок начал отставать, кобыла старалась его подбодрить тихим ржанием, но, видя, что ничто не помогает, она отделилась от табуна, не желая, по-видимому, бросить свое детище. Однако же жеребец не допустил подобного беспорядка: сильно лягнув кобылу два раза, он заставил ее догнать табун, а сам принял попечение о жеребенке. Он

то подталкивал его мордой, то тащил, ухватившы за холку, то старался подбодрить, налетая и брыкаясь в воздухе».

Но преследователи все ближе, настигают маленькую уставшую лошадку и ее отважного защитника. «На жеребца нападает раздумье: то, полный ярости, он скачет к охотникам, то возвращается к отставшим от табуна лошадям». Дальше, о последних актах драмы, расскажет Клеменц, который тоже принимал участие в охоте на диких лошадей и оставил едва ли не самые яркие воспоминания об этой погоне.

«Когда же страшные звери-кони, с сидящими на них двуногими, наседают на табун, жеребец бросается на преследователей и первым попадает под пулю. Табун без вожака теряется, мечется, крутится из стороны в сторону. Охотники стреляют и ловят петлями жеребят».

...Вот жеребята, которых не перестреляли на шашлыки, пойманы, лежат на песке со связанными ногами. Теперь нужно довести их до верблюдов, а «те отстают верст за сотню от преследователей; потом надобно добраться до того места, где оставлена в запасе дойная матка. Этим дело еще не кончается. Немало хлопот приучить жеребенка к матке. Матка должна быть непременно мастью похожа на дикую лошадь: к гнедой, вороной или серой дикарь не подойдет. Немало хлопот с дикарями и при переправах через ручьи и реки — они боятся воды».

Ловля диких лошадей — нелегкое, как видно, дело. А сохранить едва живых от страха, загнанных в скачке пленников и довести их целыми и невредимыми до места — дело еще более трудное. На Всероссийской нижегородской выставке 1896 года устроители ее хотели показать шесть диких лошадей из Джунгарии. Специально посланные за ними в пустыни Центральной Азии отряды после изнурительных трудов и лишений их поймали, но сохранить живыми не смогли. Все лошади пали в пути. Только шкуры и кости попали на выставку, а оттуда в музей.

Так пишет князь Урусов в известной двухтомной монографии о лошадях. Но наши знатоки диких лошадей, профессор А. Г. Банников, Н. В. Лобанов и В. Д. Треус, в интересной статье «Лошадь Пржевальского и ее восстановление в СССР» говорят, что впервые диких жеребят поймали в Западной Гоби охотники купца Асанова — Власов и Захаров — весной 1898 года. Охотились они для Фридриха Фальц-Фейна, основателя Аскании-Нова, о котором подробнее будет рассказано в главе о тарпанах.

Итак, жеребят поймали, но «по недосмотру» напоили их не кобыльим, а овечьим молоком, и все четыре жеребенка пали.

Весной следующего года охотники купца Асанова добыли еще семь диких жеребят: шесть кобылок и одного жеребчика. Пятерых кобылок отправили в Бийск, а оттуда — в Асканию-Нова (по дороге одна маленькая лошадка умерла). Это и были первые лошади Пржевальского, доставленные в Европу.

В 1900 году Асанов снова привез в Бийск двух молодых диких лошадей, которых доставили в Царское Село. Кобылка там вскоре погибла, а жеребца Ваську через четыре года отправили в Асканию-Нова, «где к тому времени были одни только кобылы».

В самом начале нашего века все тот же Асанов, который стал, по-видимому, монополистом этого дела, привез еще несколько диких лошадей в Московский зоопарк и в Асканию-Нова.

А в 1901 году герцог Бедфорд уговорил Карла Гагенбека, известного ловца диких зверей, поймать джунгарских диких лошадей для знаменитого, основанного Бедфордом парка Веберн-Аббей, в котором жили уже многие редкостные животные (главным образом, олени и зубры), но не было еще диких лошадей. Гагенбек после некоторых раздумий согласился.

«Мы,— рассказывает Гагенбек,— тогда еще очень мало что знали про дикую лошадь и решительно ничего — о месте ее нахождения, ее привычках и способе ловли». Жила эта сказочная лошадь где-то, можно сказать, на краю света, во всяком случае, очень далеко от Германии, в безлюдных и бесплодных песках. Нелегкое дело поручил Гагенбек одному из лучших, как он говорит, своих сотрудников — Вильгельму Григеру.

«Сначала Григер,— продолжает Гагенбек,— отправился в Асканию-Нова к Фальц-Фейну в надежде получить от него сведения о том, где именно можно искать дикую лошадь.

Ревнивый к своим сокровищам любитель зверей в Крыму отказался дать нужные сведения, и только окольными путями удалось узнать, что дикая лошадь водится в окрестностях Кобдо, у северной подошвы Алтайских гор».

Это был длинный путь!

И вот в один из дней января 1900 года два человека сошли с транссибирского поезда, когда остановился он на полустанке за Обью.

Погрузив свой громоздкий багаж на сани, они направились на юг — к Бийску.

Григер купил жеребят в Бийске у Асанова. Пятнадцать жеребчиков и тринадцать кобылок: одна лошадь пала в дороге, двадцать семь привезли в Гамбург, двенадцать продали в Англию, других — во Францию, Голландию, США и в зоопарки Германии. Через год люди Гагенбека снова поехали к Асанову (на этот раз в Кобдо) и купили еще одиннадцать жеребят.

Ни Асанов, ни его охотники не знали, конечно, что спасли от вымирания род диких коней, что лошади, пойманные ими, будут, по существу, последними, которых людям удастся привезти в Европу из Монголии. От них (но не от всех, а только от трех пар) произошли те лошади Пржевальского, которые живут сейчас в зоопарках всего мира. На воле, в Центральной Азии, возможно, и не осталось уже диких лошадей.

Профессор А. Г. Банников в монографии о зверях Монголии говорит, что дикие лошади встречались только к северу от хребтов Байтаг-Богдо и Тахиин-Шарануру. Зимой 1959/60 года там жило еще два небольших табуна — в обоих было около двадцати лошадей.

А теперь... а теперь нет у нас уверенности, что дикие лошади еще живут на воле в Монголии. Если и осталось их там с десяток или два, они все обречены, пишет профессор В. Г. Гептнер, «на скорую гибель».

В конце прошлого и в начале нашего века в Европу переселили пятьдесят две чистокровные лошади Пржевальского, из них первые одиннадцать — в Асканию-Нова. Но только три (две кобылы и жеребец Васька) дожили здесь до того возраста, когда у лошадей могут родиться жеребята. Больше диких лошадей в Асканию-Нова не привозили. Но от тех, что были здесь, наши зоотехники получили 37 чистокровных потомков и больше тридцати гибридов.

Потом началась война. Немцы, оккупировав Украину, вывезли в Германию двух лошадей Пржевальского. Остальные погибли. К концу войны в нашей стране не осталось ни одной дикой лошади. Но после войны из Праги и из Германии доставили в Асканию-Нова двух чистокровных лошадей Пржевальского и одну кобылу из Монголии — Орлицу III. И к началу 1964 года в просторных загонах в украинской степи паслось уже семь диких лошадей.

Лошади Пржевальского живут и в зарубежных зоопарках: в Праге, Мюнхене, Англии, США и других странах. Ряды лошадей, носящих имя нашего знаменитого соотечественника, прибывают.

ПРЯМОЙ ПРЕДОК — ТАРПАН

Бок о бок с домашними в Европе долго еще жили дикие лошади. Римлянин Варрон (II в. до н. э.) и грек Страбон (он жил на сто лет позже Варрона) пишут, что они водились даже в Испании и Альпах. Древнегерманские и скандинавские героические сказания содержат немало драматических эпизодов, в которых действуют дикие лошади. Зигфрид из «Песни о Нибелунгах», например, убивает дикого коня скельха, а морской исполин Изе охотится на берегу на серых в яблоках коней (такая масть не свойственна диким лошадям, говорит профессор Е. А. Богданов, известный знаток домашних животных, но это, повидимому позднейшее добавление к старой легенде).

В средние века население многих стран Европы с упоением поедало на праздничных обедах непарнокопытную дичь — мясо дикого коня. Похоже, монахи особенно увлекались кониной.

«Ты позволил некоторым есть мясо диких лошадей, а большинству и мясо от домашних,— писал в VIII веке папа Григорий III св. Бонифацию.— Отныне же, святейший брат, отнюдь не дозволяй этого».

Но гурманы-иноки игнорировали запрещение святого отца. Долго еще в монастырях мясо дикого коня слыло деликатесом. Эккегард, настоятель Сен-Галленского монастыря в Швейцарии, в книге-сборнике застольных молитв среди других рекомендует и следующую: «Да будет вкусно нам мясо дикого коня под знаменем креста!»

До начала XVII века некоторые города Европы содержали отряды стрелков, которые охотились на диких лошадей, опустошавших поля. А в лесах Восточной Германии и, по-видимому, Польши еще лет сто пятьдесят назад можно было встретить дикую лошадь. (Или одичавшую? Вопрос этот теперь уже, наверное, никогда не будет решен.)

В 1814 году в Пруссии несколько тысяч загонщиков окружили в Дуйсбургском лесу последние табуны лесных лошадей и истребили их. Всего было убито двести шестьдесят животных.

«А се в Чернигове деял есмь: конь диких своима рукама связал есмь в пущах десять и двадцать живых конь, а кроме того же, по Роси, ездя, имал есмь своими руками те же кони дикие» — так писал храбрый киевский князь Владимир Мономах в «Поучении детям». Значит, и в России еще в XII веке водились дикие лошади. Водились и позже. В 1663 году, рассказывают историки, будущего гетмана Ивана Мазепу за какую-то провинность казаки привязали к дикому коню, и тот умчал его в степь. Но Мазепа сумел как-то освободиться от веревок. Через сорок четыре года он поднял на Украине мятеж против царя Петра.

Украина — единственная страна в Европе, где дикие кони дожили до второй половины прошлого века. Это были знаменитые тарпаны, лошади, о которых когда-то много писали и говорили, а сейчас почти забыли. Даже у жителей тех мест, где еще сто лет назад дикие лошади «гуляли на воле», не сохранилось о них никаких воспоминаний.

Тарпан (или турпан, слово это татарское) — некрупная, но выносливая и отважная лошадка. Масть у него была мышастая: пепельно-серая с темным ремнем вдоль по хребту (он «цветом похож на мышей», писал о тарпане один старый натуралист). Грива, хвост и ноги до «колен» черные или черно-бурые, а на передних ногах у некоторых тарпанов замечали еще и темные поперечные полосы — чуть приметная зеброидность.

Еще совсем недавно жили тарпаны в южнорусских степях, лесостепях и даже лесах Литвы и Белоруссии (в Беловежской пуще, пишет профессор В. Г. Гептнер, они встречались даже в конце XVIII века) и по всей Украине, по всему степному Крыму, Предкавказью, Дону, Нижнему Поволжью — на восток от Волги и, возможно, даже до Урала. А там, за Уралом, водились другие, уже известные нам дикие лошади Пржевальского.

Степи наши тогда еще были не распаханы. И по буйным травам, по ковылю и типчаку, по степному безлюдному простору скакали табуны вольных диких лошадей.

А. М. Колчанов, председатель Днепровской уездной управы, с увлечением собирал разные сведения о вольной жизни тарпанов. Вот как он описывал эту жизнь: «Тарпаны были очень осторожны, легки и быстры на бегу. Стадом тарпанов всегда заправлял самец, он охранял стадо во время пастьбы, всегда находясь на каком-нибудь кургане, вообще на

возвышенной местности, тогда как стадо паслось в долине. Самец давал знать стаду об опасности и сам уходил последним. Он же гнал свое стадо к водопою, предварительно осмотревши место водопоя, нет ли опасности, для чего удалялся от стада нередко на версту и более. В сухие лета, когда в степи вся вода пересыхала, тарпаны приближались к Днепру, где их встречали на Казацком броде, верст сорок от Зеленой. Впрочем, тарпаны, по сообщениям, очень выносливы к жажде, и достаточно небольшой росы, чтобы тарпан мог утолить свою жажду, слизывая росу языком с травы.

Тарпанов ловили, преимущественно жеребят и беременных самок, весною; старых тарпанов-самцов удавалось редко поймать арканом: бегали они очень быстро и были чрезвычайно осторожны. Но приручить их для езды, даже только верховой, никогда не удавалось. Бывали случаи, когда степные лошади, особенно кобылицы, приставали к стаду тарпанов. Говорят даже, что тарпаны-жеребцы сами отбивали самок из табунов домашних лошадей и вступали в бой с жеребцом таковых, но никогда не одерживали победы».

Местные жители на Украине, в Оренбургском крае и всюду, где тарпаны водились, не любили их. И не только потому, что те часто уводили из табуна домашних кобыл. Тарпаны травили посевы, а зимой поедали, иногда начисто, сено, заготовленное поселенцами в степи и сложенное в стога. Тарпанов всюду истребляли. Стерегли у водопоев, у стогов с сеном. Эверсман, один из старых наших натуралистов, который еще видел живых тарпанов в Оренбургском крае, писал: «Тамошние жители ловят их нередко еще молодыми и усмиряют, но, несмотря на то, они всегда остаются дикими и пугливыми. Охотятся на них зимою по глубокому снегу следующим образом: как скоро завидят в окрестности табуны диких лошадей, жители тотчас собираются, садятся верхом на самых лучших и быстрых скакунов и стараются издали окружить тарпанов. Когда это удается, охотники скачут прямо на них. Те бросаются бежать. Верховые долго их преследуют, и наконец маленькие жеребята устают бежать по снегу. Но старые тарпаны скачут так быстро, что всегда спасаются».

Чем больше заселялись наши южные степи, тем в больший конфликт вступали люди с тарпанами. Гептнер пишет: «Тарпан был обречен на гибель самим ходом экономического развития страны». И как всегда бывает, финал наступил гораздо быстрее, чем ожидали даже самые

неисправимые пессимисты: еще в начале прошлого века на юге Украины и в Крыму топтали ковыль довольно многочисленные табуны тарпанов, а в 1879 году погиб последний вольный тарпан. Одноглазая кобыла. У нее интересная и неплохо документированная история.

Записана она в семейной хронике Фальц-Фейнов. В конце прошлого века Фридрих Фальц-Фейн приобрел в степи к северу от Крыма большой участок земли с целью сохранить на нем нетронутый резерват первобытной местной фауны и флоры. Позднее в этом уникальном заповеднике, известном и ныне под названием Аскания-Нова, были проведены удачные опыты по акклиматизации многих экзотических животных.

У Фальц-Фейнов был сосед, тоже крупный землевладелец, некий Александр Дурилин. В Рахмановской степи у него паслись большие табуны лошадей. Уже несколько лет в той местности не видели тарпанов. Но вот однажды (случилось это в семидесятых годах прошлого века) последняя, как полагает Фальц-Фейн, дикая лошадь прискакала неведомо откуда и, зорко поглядывая по сторонам, направилась к табуну. Она, видно, тосковала без лошадиного общества, но боялась приблизиться к «цивилизованным» сородичам. Постепенно, день за днем, набиралась она храбрости и наконец привыкла к домашним лошадям, и те приняли ее, как свою. Когда табунщики были далеко, кобыла-тарпан паслась вместе с другими лошадьми. Но как только они приближались, она, дико всхрапнув, скакала прочь и в сторонке дожидалась, пока люди не отъедут подальше.

Рассказывают, что никогда не видели, чтобы, отдыхая, она ложилась на землю, как домашние лошади: все время стояла. Она даже и спала всегда стоя.

Прошло три года, прежде чем дикая лошадь стала немного более смирной и доверчивой к людям. Она уже не убегала так далеко, как прежде, когда верховые табунщики приближались к ней. А на водопоях и зимних подкормах и вовсе подпускала их близко. За эти три года она дважды жеребилась, и отцом ее жеребят был предводитель дурилинского табуна. Жеребят, когда те выросли, стали запрягать, но они были слабые и плохие работники.

Через три года дикая кобыла решилась вместе с табуном войти в зимний загон, где лошадей кормили. Тогда Дурилин велел ее поймать. Домашних лошадей выгнали из конюшни, а ее заперли там. Тарпаниха как бешеная стала кидаться на стены, буйно металась по конюшне

и выбила себе один глаз. Потом забилась в темный угол и застыла. Несколько дней, пока стояла там, ничего не ела. Но голод и жажда выгнали ее из угла. Постепенно она стала привыкать к людям. Брала сено из рук конюха. Шла на водопой, когда ее вели. Но всякий раз старалась вырваться. И не было никакой возможности оседлать ее.

После того как весной кобыла ожеребилась третий раз и уже в конюшне, ее решили выпустить на вольный выпас вместе с табуном. Думали, она стала совсем ручной. Но она, как видно, свободу ценила больше сытого желудка. Как только открыли ворота и сняли недоуздок, кобыла «с громким ржаньем» умчалась в степь. Позднее вернулась, но ненадолго: подозвала своего жеребенка и ускакала с ним. Больше ее не видели.

Теперь действия переносятся в Асканию-Нова. Там прослышали, что всего в тридцати пяти верстах от Аскании, в Агайманском Поду, что в Таврической степи у села Агайман, видели будто бы дикого тарпана. И крестьяне захотели испытать резвость своих коней. Собрались большой артелью: решили поймать тарпана. По всему Агайманскому Поду расставили конные подставы, на которых лучшие ездоки на лучших лошадях (иные и о-двуконь!) дожидались преследователей, чтобы сменить их, когда в бешеной скачке за тарпаном пройдут они мимо. Дело было зимой, в декабре.

Гнались, меняя лошадей и всадников, весь день и, возможно даже, так бы и не догнали тарпана, но тому не повезло: передней ногой он попал в сурчиную нору и сломал ногу. Упал и лежал беспомощный на снегу, храпя и скаля зубы.

Люди окружили, связали его, положили на сани и привезли в Агайман. И тут узнали: это же та самая безглазая кобыла, которая свободу предпочла сытости дурилинской конюшни!

Она заслужила уже такое уважение во всей округе, что даже крестьяне, люди простые и к сентиментам не склонные, очень жалели ее. Захотели спасти тарпаниху, упросили деревенского парикмахера (он же коновал) сделать ей новое копыто, протез, короче говоря. Но измученное преследованием и болью животное не воспользовалось этой милостью, подаренной врагами: в конце декабря 1879 года последний вольный тарпан умер в ненавистном ему плену у человека.

Последний вольный тарпан. Но в плену жила еще одна дикая лошадь: знаменитый шатиловский тарпан, который, как родился, лишь

неделю успел пожить в степи, а остальные двадцать лет провел в неволе.

И. Н. Шатилов был большим любителем лошадей, очень интересовался тарпанами, много писал о них, всеми силами старался спасти их от уничтожения. В конце прошлого века он по просьбе Петербургского общества акклиматизации животных доставил в Москву и Петербург одного за другим двух тарпанов.

Это были единственные из тарпанов, тщательно исследованные зоологами, единственные, от которых сохранились кости: череп от шатиловского и скелет от таврического. Череп хранится в Зоологическом музее МГУ, а скелет — в Ленинграде, в Зоологическом институте Академии наук.

Таврического тарпана поймали в Таврических степях. В 1862 году привезли его в Петербург. Академик И. Брандт, когда увидел дикого коня, тут же и решил, что не стоило его так далеко везти: это не тарпан, сказал он, а «скверная крестьянская лошаденка». Шатилов возражал: конь с первого взгляда поражает типичной для дикаря внешностью, «стоит взглянуть на него, чтобы убедиться, что тарпаны не одичалые лошади, а первобытный дикий вид зверей из семейства лошадиного».

«Позднейшее изучение черепа и скелета этого тарпана,— пишет профессор В. Г. Гептнер в «Заметках о тарпанах»,— показало, что прав был Шатилов, а не академик Брандт».

Шатиловский тарпан прожил в зоосаде года два и умер в конце восьмидесятых годов. Так погиб последний на земле тарпан.

Но действительно ли он был последним? Перед войной в руки наших зоологов попал документ, который заставил их в этом усомниться. Весной 1934 года В. Г. Гептнер получил заверенные несколькими свидетелями показания зоотехника Н. П. Леонтовича.

«В 1914—1918 годах,— сообщал Леонтович,— я имел возможность наблюдать последний экземпляр тарпана. В эти годы животное жило в имении Дубровке, в Миргородском уезде, Полтавской губернии».

Это был старый жеребец. Владельцы конного завода доверили его попечению косяк киргизских кобыл. Он очень ревностно исполнял свои обязанности: был «исключительно злой и дикий». Никого из чужих не подпускал к своему гарему и нападал даже на людей, проезжавших

по степи, «если у них в упряжке были кобылы». Мышиной масти жеребец с таким свирепым и решительным видом бросался на повозку, что люди не выдерживали и пускались наутек. Тогда тарпан рвал зубами сбрую, освобождал своих новых подруг от ярма и плена и гнал их, оглашая степь победным ржанием, к своему косяку.

Этого отважного коня табунщики купили у немцев-колонистов. А те поймали его еще жеребенком в стаде диких лошадей, перебив их всех.

Гептнер предполагает, что немцы-колонисты истребили табун диких родичей маленького тарпана где-то тоже в Таврических степях и приблизительно в начале девяностых годов прошлого века. «Это, вероятно, и есть дата гибели самых последних вольных тарпанов»,— заключает он. А гибель последнего невольного тарпана «таким образом переносится с восьмидесятых годов на 1918—1919 годы».

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ТАРПАН

Тут бы и следовало поставить точку, если бы история тарпана не имела бы продолжения. Ученые, люди неугомонные, никак не могли примириться с тем, что нет уже на земле тарпана, и решили «воскресить» его.

Тарпаны жили не только в степи, но и в лесах некоторых стран: например, в Литве, Польше, Восточной Пруссии; в Беловежской пуще они встречались еще в конце XVIII века, а в зверинце панов Замойских в Замостье (в юго-восточной Польше, у границы с Украиной, к северо-западу от Львова) дожили до начала прошлого столетия. В 1808 году двадцать диких лошадей раздали местным крестьянам. Те их приручили и стали на них ездить и пахать. Потомки тарпанов, смешанные, конечно, с домашними лошадьми, донесли до наших дней многие признаки своих диких предков.

Из этих-то тарпановидных коников, как их называют в Польше, генетики решили умелым скрещиванием и отбором вывести новую породу лошадей с внешними признаками тарпана. Работой руководил Т. Витулани. Дело, начатое в 1936 году, шло очень успешно, несмотря на войну и оккупацию (многих животных, с которыми экспериментировали поляки, вывезли в Германию). Тарпан возрождался на глазах: шаг за шагом,

поколение за поколением его потомки, растерявшие в течение полутора веков свои признаки в массе крестьянских полукровок, постепенно вновь «собирали» их. Эти рассеянные в сотнях лошадей фамильные черты дикого мышастого коня удалось сконцентрировать, как в фокусе зеркала, в немногих животных. Некоторые кобылы стали приносить жеребят с короткой стоячей гривой, как у зебры или лошади Пржевальского. А это — наиболее типичный «дикий» признак, закрепить который у потомков домашних лошадей особенно трудно.

«Воскрешенные», или, как говорят зоологи, «восстановленные», беловежские тарпаны живут на воле в лесу и даже зимой, в пургу и в морозы, обходятся без стойл и других укрытий. Их и подкармливают зимой очень редко.

Почти в одно время с поляками возродить тарпана решили и немцы. В Германии, в фамильном поместье Липпе-Детмольдов, давно уже, несколько веков, жили на воле в лесах одичавшие лошади. Никто их никогда не беспокоил, кроме нескольких дней в году, когда люди окружали загоном вольный табун и клеймили новорожденных жеребят. Для всей округи это было большим праздником. Как и в прежние века, ловлю диких лошадей отмечали здесь веселыми песнями и попойками. А потом, в годы гитлеровского режима, людям было не до веселья и не до диких лошадей.

Из табуна Липпе-Детмольдов братья Лутц и Гейнц Хек отобрали для своих опытов лошадей с наиболее «дикой» внешностью. Оба брата были директорами зоологических садов: Лутц — Берлинского, Гейнц — Мюнхенского. Поэтому тарпана «воскрешали» одновременно в зоосадах этих двух городов.

Лутц Хек в книге «Мои приключения с животными» пишет: «Мы исходили из того принципа, что ни одно существо не может считаться полностью вымершим, пока его наследственные качества еще сохраняются в потомках. Эти качества умелым скрещиванием с другими видами животных можно попытаться выявить более отчетливо в гибридах такого скрещивания. С помощью современных достижений генетики можно даже полностью восстановить наследственность вымершего животного. Если полученные метисы будут размножаться, то постепенно под влиянием искусного отбора их облик от поколения к поколению будет меняться в нужную нам сторону. В результате может вновь возродиться животное, исчезнувшее сотни лет назад. Вымершее животное снова будет жить!»

И он продолжает: «Есть много лошадей, которые происходят непосредственно от лесного тарпана,— нордические низкорослые лошади, так называемые скандинавские пони, исландские пони и лошади Готланда, дикие кони Дартмура, а также коники, крестьянские лошадки Польши, Галиции и соседних стран. Из всех лошадей они наилучшим образом сохранили древний тип лесной лошади.

Мой брат и я выбрали метод, который открыл наш отец в многолетних экспериментах в берлинских садах. Если, например, каменного козла скрестить с домашней козой, то, странное дело, среди их потомков будут не только козлята с мастью каменного козла, домашней козы и всех промежуточных оттенков, но и окрашенные точно так же, как и безоаровый козел, дикий предок домашних коз, хотя уже многие столетия эта его особенность у них и не наблюдалась. Эффект поразительный! Говоря всем понятными словами, это означает, что наследственность каменного козла каким-то образом как бы заставляет домашнюю козу «отрыгнуть» долгие годы скрытые в ее наследственных клетках первобытные качества своего дикого предка.

То же самое мы проделали и с лошадьми, пытаясь заставить их вернуть своим отпрыскам древние черты мышастой дикой лошади лесов, известной под именем тарпана.

Мы свели буланого жеребца, представителя другого типа степных диких лошадей (то есть жеребца лошади Пржевальского) с домашними потомками мышастого тарпана: с кобылами ирландских пони и польских коников. И уже во второй серии скрещиваний в Мюнхене получили совершенно сказочного жеребенка! Он словно одет был в серую униформу: мастью похожий на мышь, с черной гривой и хвостом и с широким темным ремнем по хребту. А когда он повзрослел, то стал более светлым снизу, а ноги его, наоборот, потемнели, совсем как у старого тевтонского коня,— это была наша первая примитивная лошадь! Она родилась, когда уже ни один человек не надеялся ее увидеть. Все случилось, как в волшебной сказке!»

Однако восстановление тарпана оказалось делом куда более сложным, чем показалось в начале, после первых успешных опытов. За удачами, как всегда это бывает, пришли неудачи. Ученые испробовали много разных вариантов, комбинировали и так и этак: кровь детмольдовских лошадей «сливали» в разных пропорциях с кровью коников, примитивных пони и лошадей Пржевальского.

И дело пошло на лад. Но тут началась война. Работы были прерваны. Все тарпаноиды Берлинского сада погибли при бомбежках и разрухе. Но мюнхенские уцелели.

Их сейчас несколько десятков голов, и они, так про них пишут, «уже приобрели тарпаний вид».

И вот что интересно: генетики не старались вывести лошадей с более крепкими копытами. Но это получилось само собой: вместе с другими примитивными чертами их питомцы обрели и этот атавистический дар своего дикого предка — очень прочные копыта.

Уже после войны, рассказывает Филипп Стрит в книге об исчезающих животных, один мюнхенский «тарпан», запряженный в телегу, около тысячи миль (160 км) прошел по нелегким дорогам. «И хотя он не был подкован, копыта его отлично сохранились, когда он закончил свое путешествие».

НЕБОЛЬШАЯ ИНТЕРМЕДИЯ — СКОЛЬКО В МИРЕ ЛОШАДЕЙ?

Казалось бы, в наш механизированный век лошадь должна была бы исчезнуть. Однако только на одну треть сократилось мировое поколение лошадей по сравнению с началом нашего века: в 1913 году — 101,6 миллиона (из них в России больше 25 миллионов), в 1975 году — 65 миллионов. В 1937 году мировое поголовье лошадей достигло рекордной цифры — 115 миллионов. Затем началась война, и много лошадей в ней погибло.

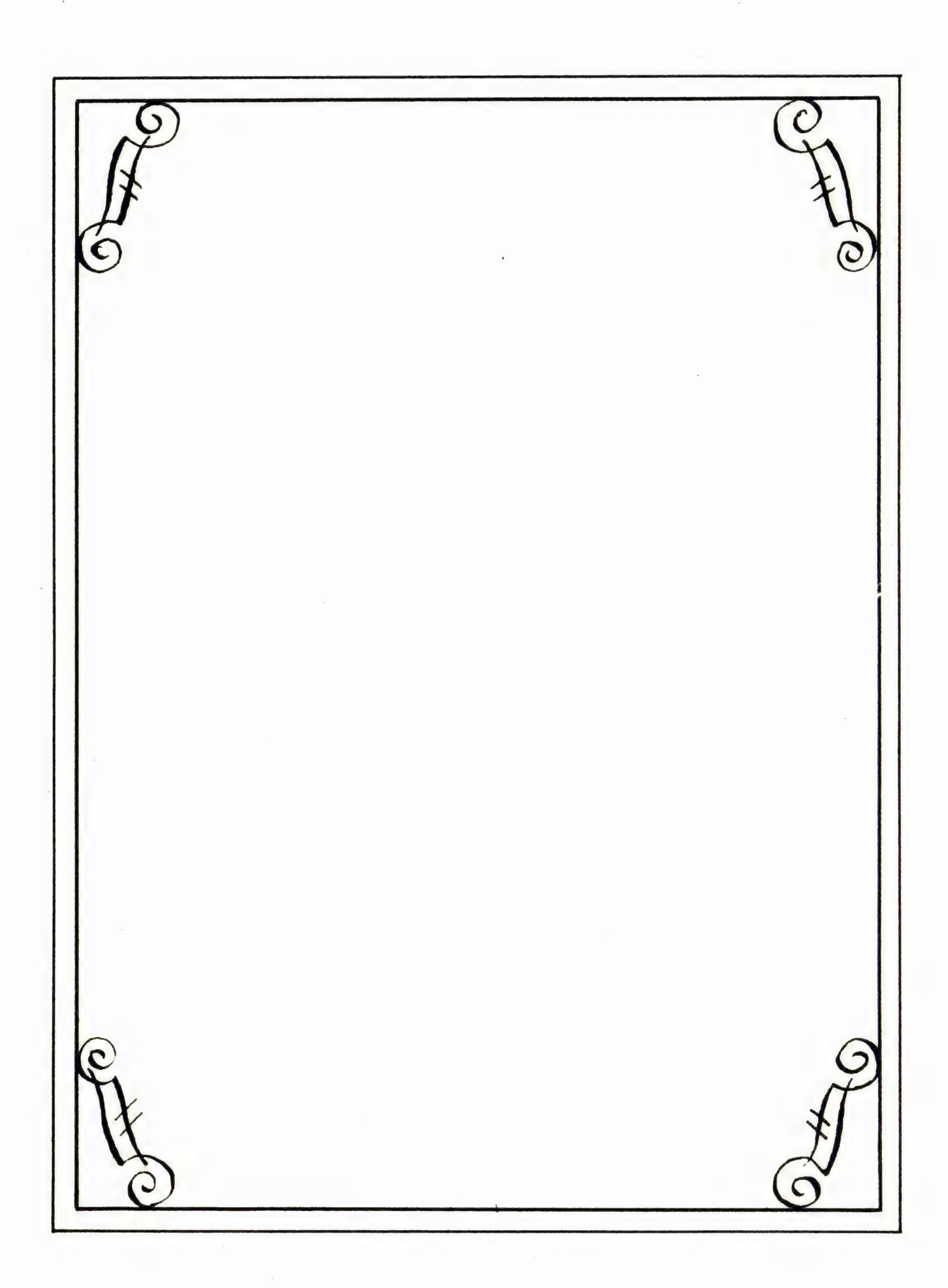
По данным на 1975 год в СССР — приблизительно около 7 миллионов лошадей (58 различных пород), 105 конных заводов, 73 госконюшни, 843 племенных фермы и 61 ипподром. По числу лошадей СССР стоит на четвертом месте в мире — после Бразилии, США и Китая. Вот некоторые данные в миллионах голов на 1975 год:

Бразилия — 9,5
США — 8,956
КНР — 7
СССР — 6,745
Мексика — 5,664
Аргентина — 3,5
МНР — 2,264
Польша — 2,237
Эфиопия — 1,5

В прочих странах меньше 1,5 миллиона лошадей.

Больше всего лошадей в Северном полушарии — около трех четвертей всего поголовья мира. В Северной и Центральной Америке — 17 с небольшим миллионов. В Южной Америке — около 17 миллионов. В Азии (без СССР) — 14 миллионов. В Европе (без СССР) — немногим больше 6 миллионов и в Африке — 3,5 миллиона.

ЛОШАДЬ ИДЕТ НА ВОЙНУ



БОЕВЫЕ КОЛЕСНИЦЫ

В обширных степях от Дуная и Балкан до Урала несколько тысячелетий назад жили индоевропейцы, или арии,— ближайшие родичи почти всех европейских народов: славян, германцев, греков, римлян, а также хеттов, персов и индийцев. У них уже были домашние животные: овцы, коровы, свиньи. Но не было лошадей. А вокруг их поселений паслись бесчисленные табуны тарпанов. Сначала индоевропейцы охотились на диких лошадей, а потом приручили их.

Раньше считали, что предком домашней лошади была лошадь Пржевальского. Теперь же иное мнение: исследовали лошадей Пржевальского и нашли у них 66 хромосом, а у домашней лошади их оказалось 64. А это значит, что лошадь Пржевальского предком домашней лошади быть не могла. Другой у нее был предок — тарпан. Его и приручили арии в III тысячелетии до нашей эры.

Тогда же, очевидно, научились они и верховой езде.

Считалось, однако, что верховым животным лошадь стала значительно позже. Но как пасти табуны домашних лошадей? Только всадник может справиться с таким делом, пешему это не под силу.

Примерно во II тысячелетии до нашей эры арии стали расселяться по странам, окружающим их прародину.

И всюду арии вели с собой домашних лошадей. Были ли у них боевые колесницы — вопрос не ясный. Повозки, запряженные волами, ослами или верблюдами, известны в странах Двуречья (в долинах Тигра и Евфрата — в Мессопотамии) в IV тысячелетии до нашей эры — в то время, когда лошадь еще не была прирученной.

Во времена гиксосов (около 1700 года до н. э.) впервые появились колесницы. Благодаря им будто бы гиксосы и покорили Египет, в котором тогда колесниц еще не было. Во II тысячелетии до нашей эры колесницы уже «представляли собой произведения высокого технического искусства». Отдельные их детали делали разные мастера. И эти детали были изготовлены не из какого попало дерева, а из определенных его сортов, которые привозились издалека.

Интересно, что при археологических раскопках на Крите найдено было 500 колесниц. Крит — остров гористый: на колеснице не очень-то по нему покатаешься. Зачем же тогда столько колесниц было в критских дворцах? Думают, что на Крите они производились на экспорт.

Колесницы XV века до нашей эры были очень легкие — каждую мог унести один человек. Вот их размеры: «Ось диаметром 6 см имела длину 1 м 23 см. Концы ее выступали на двадцать три сантиметра. На них надевались легкие колеса с четырьмя спицами, сделанными, как и втулка, из березы, с ободьями из сосны. Дышло из вяза диаметром 6—7 см имело длину 2,5 метра...» (В. Б. Ковалевская).

В колесах колесниц более поздних времен было уже восемь спиц. И размеры колесниц немного увеличились.

Конницы еще не было (она появилась в начале I тысячелетия у ассирийцев), но колесницы участвовали в боях уже более трех с половиной тысяч лет назад. О роли их в первых сражениях мало что известно. Но о битве при Кадеше (конец XIV — начало XIII века до н. э.) мы имеем документированные данные. В ней не было победителя, но было много странных неожиданностей.

Египетский фараон Рамзес II Великий собрал «самую могущественную армию, какую когда-либо создавал Египет», и пошел войной на хеттов, северных своих соседей. У него было двадцать тысяч воинов и, по-видимому, две тысячи боевых колесниц. Столько же солдат было и у его врага, царя хеттов Муваталлы. Но две с половиной тысячи колесниц у хеттов были более «вооруженные»: на каждой ехало три человека — возница, лучник и щитоносец. У египтян лишь два воина: возница и лучник. И у тех, и у других в колесницу запрягалось две лошади.

Рамзес II разделил свое войско на 4 колонны, названные именами богов — Амона, Ра, Птаха, Сета. Двигались они одна за другой к Кадешу,

хеттской крепости в Сирии. Впереди — колонна Амона (с нею Рамзес), в двух километрах позади — войско Ра, затем в семи километрах — Птаха, а в десяти километрах за этой колонной шел арьергард — армия Сета.

Вблизи от Кадеша египтяне взяли в плен несколько хеттских воинов. На допросе они заявили, что Муваталла испугался и отступил далеко на север. Рамзес приказал распрягать быков и коней и разбить лагерь в одной удобной долине. И лишь тут заметили, что место, на котором решили они остановиться, только что было покинуто хеттами. Совсем недавно здесь был их лагерь. Снова стали бить палками пленных хеттов, и те сознались: первое их показание было военной хитростью.

А в это время Муваталла обошел с фланга стоявшую лагерем колонну Амона и ринулся со своими колесницами на шедшую походным порядком, не готовую к бою армию Ра. Уничтожил ее и затем с тыла его колесницы обрушили всю мощь своего удара на неукрепленный лагерь Амона. Воины этой армии, писали сами же египтяне, «бегали, как овцы». Почти всех их перебили хетты. Лишь фараон, не потерявший мужества, надел боевые доспехи и во главе личной стражи прорвал атакующих хеттов. Он направился к морю. И вдруг увидел: прямо навстречу ему со стороны побережья идет в боевом порядке большой отряд воинов. Рамзес II приказал готовиться к бою, но тут, к удивлению своему, обнаружил, что воины, с которыми он готов был сразиться, оказались не врагами — это был гарнизон одной из египетских крепостей.

Теперь уже Рамзес во главе этого войска напал на лагерь, из которого только что бежал. А там хетты соскочили с колесниц, делили между собой добычу. Они, конечно, совсем не ожидали, что уничтоженные ими египтяне снова нападут на них. Между тем подошла колонна Птаха, и силы египтян возросли. Хетты с большими потерями отошли, укрылись за укрепленными стенами Кадеша. Наступила ночь, и Рамзес II решил больше не испытывать судьбу, воспользовавшись темнотой, ушел с остатками войска за свои границы.

Битва закончилась вничью.

КОННИЦА ПОБЕЖДАЕТ

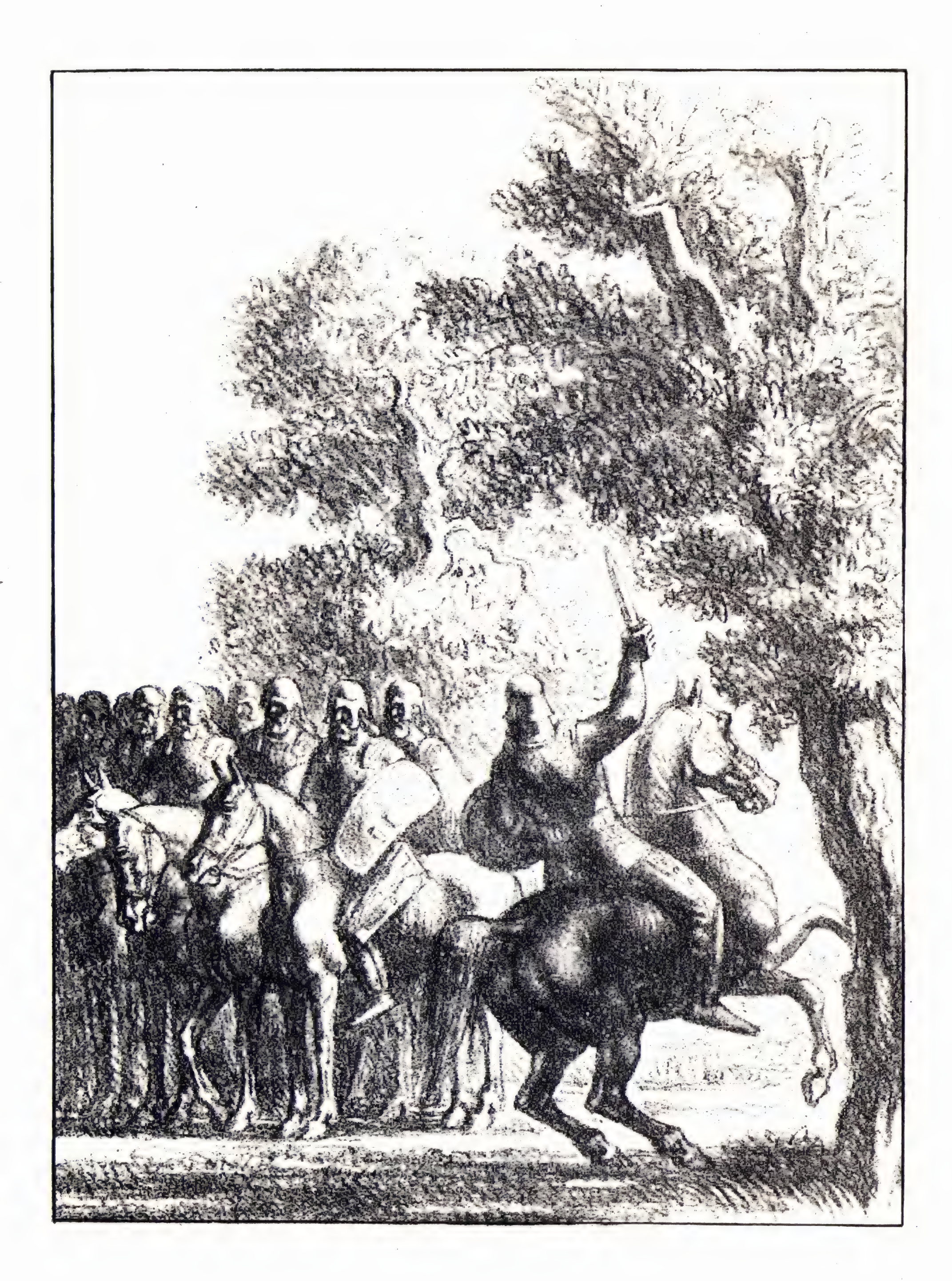
Когда я упоминал раньше, что конница впервые появилась у ассирийцев, я не имел в виду, будто они первые овладели искусством верховой езды. Много раньше верхом ездили пастухи-табунщики у ариев. Народы Кавказа и Иранского нагорья верховыми лошадьми пользовались для разных разъездов: скакали на них, развозя донесения, ездили в дальнюю дорогу, пасли скот. Но вооруженных всадников в крупных боевых соединениях впервые ввели ассирийцы. Во II тысячелетии до нашей эры, если судить по письменным текстам и изображениям на памятниках, только колесницы употреблялись ассирийцами в боях. Но тысячу лет спустя конница в ассирийских войсках почти полностью заменила колесницы.

Интересно, что вначале, как и в колесницах, у конного воина был своего рода возница — «правчий». Он управлял двумя конями: своим и лошадью стрелка из лука, который таким образом освобождал руки для стрельбы и метания дротиков. Вслед за Ассирией и другие соседние с ней страны стали включать в свои войска большие отряды всадников. В конце XIX века до нашей эры в походах царей Урарту, древнейшего государства в пределах нашей страны, участвовало по сто колесниц, около тысячи всадников и только две-три тысячи пехоты. Мы видим иное, чем прежде, соотношение родов войск. В истории военного искусства открыта новая страница: не колесницы, а конница стала главной силой в боях. Но колесницы еще по-прежнему оставались мощным оружием, по крайней мере, до V века до нашей эры (во всяком случае, у персов), а у бриттов до I века до нашей эры. Когда Юлий Цезарь высадился в Англии, его встретило войско, в котором были колесницы с острыми ножами на колесах.

Греческий историк и теоретик военного искусства Ксенофонт рассказывает, что однажды сатрап Фарнабаз разогнал отряд в 700 греков двумя колесницами и, напав затем со своими всадниками, изрубил их.

Походы конных скифов нанесли колесницам первое крупное поражение. А греческая фаланга — окончательное.

Скифы жили в южнорусских степях, там, где была одомашнена лошадь. Они совершали набеги на богатые южные страны: Урарту, Ассирию, Мидию. В VI веке до нашей эры у них была уже тяжелая, панцирная конница — главная сила войска. У их врагов — тоже. Но затем



в армиях Древнего Рима и Греции совершился новый поворот: ударной силой стала пехота, а конница — лишь вспомогательным родом войск.

ПОБЕЖДАЕТ ПЕХОТА

Фаланга — тесно сомкнутое, плечом к плечу, построение тяжело вооруженных, панцирных воинов — гоплитов. Длинными копьями — трехметровыми у первого ряда и все более и более длинными у каждого следующего — и так до 7 ряда, у которого были сариссы — копья длиной в 7—8,5 метров,— ощетинилась она, как еж иголками. По фронту длина македонской фаланги примерно — километр-два (одна-две тысячи бойцов), в глубину — от 6 до 12 рядов, редко больше. Такой строй не могли прорвать ни конники, ни даже слоны. На каждого атакующего с фронта всадника приходилось до 18 копий! Они его буквально растерзали бы.

Только с фланга или тыла можно было успешно атаковать фалангу. Что и делала неприятельская конница. До Александра Македонского в войнах с персами греки совсем не применяли конницу. Но вскоре поняли:

«Фаланга,— пишет историк военного искусства Ганс Дельбрюк,— лишенная поддержки конницы, не смогла бы сопротивляться общему натиску персидских всадников и стрелков из лука, медленно изойдя кровью, она должна была бы погибнуть».

Охрана флангов фаланги была не единственной задачей конницы. Преследование убегающих врагов, нападение на его обозы, разведка и караульная служба — таковы были в те времена обязанности вспомогательного войска — конницы.

То же самое и у римлян: конница — не главный, а вспомогательный род войск. В боевых построениях ставилась она обычно на флангах фаланги. Но, однако, какой сокрушающий удар могло порой обрушить это «вспомогательное» войско, показывает знаменитая битва при Каннах (216 г. до н. э.).

В этом сражении у римлян было 70 тысяч солдат (вместе с оставленным в лагере десятитысячным резервом). У их врага, Ганнибала,

одного из лучших полководцев мира,— только 50 тысяч. Но зато конницы у Ганнибала было почти вдвое больше, чем у римлян,— 10 тысяч против 6 тысяч.

Римляне конницу поставили на флангах, Ганнибал — тоже. Но свое войско он построил в виде полумесяца, выпуклой стороной обращенного к врагу. План его был — охват флангов неприятеля. Ганнибал был уверен, что его конница скоро опрокинет римскую. Так и случилось: атаку начала тяжелая левофланговая конница Ганнибала. Она быстро разбила противостоящую ей римскую конницу, обойдя тыл римской фаланги, атаковала и уничтожила левофланговую римскую конницу и затем ударила в тыл римской фаланги.

Между тем много более сильная, чем у Ганнибала, римская пехота сильно потеснила карфагенскую пехоту; полумесяц выгнулся в обратную сторону, и римляне оказались окруженными со всех сторон.

«В течение нескольких часов,— пишет Ганс Дельбрюк,— должно было длиться жестокое, страшное избиение. Одних карфагенян погибло не меньше 5700. Из римлян полегло на поле брани 48 000, бежало 16 000; остальные попали в плен».

«ИХ ТЬМЫ И ТЬМЫ...»

Но нигде, ни у одного больше народа, и никогда, ни до, ни после, лошадь не значила так много в жизни мирной и военной, как у монголов в пору расцвета их империи.

«Исстари,— пишет русский историк С. М. Соловьев,— китайские летописцы в степях на северо-запад от страны своей обозначали два кочевых народа под именем монгкулов и тата...»

Жили они не в городах и не в селах, а в юртах, построенных «из хворосту и тонких жердей, покрытых войлоком».

У них было столько разного скота — коров, овец, коз, верблюдов и особенно лошадей — «сколько нет во всем остальном мире».

И далее: «Нет ни одного народа в мире, который бы отличался таким послушанием и уважением к начальникам своим, как татары».

В первые десятилетия XIII века среди таких «начальников», называемых ханами, один, по имени Темучин, назвавший себя позднее Чин-

гисханом («Океан-хан»), после жестокой борьбы подчинил своей власти всех других ханов: «орда присоединялась к орде...» И вот двинулись монголы в наступление на цветущие страны к востоку, западу и югу от своих исконных кочевий. Завоевали Китай (даже в Японию намеревались через море переправиться, но шторм погубил их флот), покорили княжества и царства Средней Азии.

Два полковника Чингисхана — Джебе и Субут (Субэдей — богатур) — вторглись в северную Индию, оттуда в 1224 году двинулись на восток, севером Ирана дошли до Кавказа, громя все на своем пути, вышли в низовья Дона. «Форсировали» его и вдоль берегов Азовского моря добрались до Крыма, затем вновь вышли в южнорусские, а точнее, половецкие тогда степи, пересекли Днепр, вышли к Днестру и вернулись обратно к Чингисхану.

Это был самый дальний и быстрый военный конный рейд, который знает история. Тридцать тысяч всадников (с вдвое-втрое большим числом лошадей — всего коней в этом войске было 100 000!) за два года с боями прошли около десяти тысяч километров (за сутки до 150 километров!).

И это были те «окаянные татары сыроядцы», с которыми впервые сразились русские на реке Калке.

Дело было так. Разгромив половцев в Кипчаке (в степях между Уралом и Днепром), отправили татары послов к князьям русским, которые, узнав о новых врагах, явившихся с Востока, съехались на совет в Киев. Послы сказали: «Слышали мы, что вы идете против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили; пришли мы попущением божьим на холопей своих и конюхов, на поганых половцев...»

Русские послов тех умертвили и после долгих споров решили — двинулись в поход на татар. Три старших князя, три Мстислава[1] — киевский, черниговский и галицкий, каждый со своим войском. Были с ними и младшие князья — сыновья и племянники.

Перешли Днепр, обратили в бегство «караулы» — разъезды татарские и восемь дней шли степью до реки Калки (приток Дона), переправились через нее.

---

[1] Или три Михаила: в те времена русскому князю при рождении давали два имени — одно славянское или варяжское, второе (после крещения) — церковновизантийское.

Битва началась 16 июня 1223 года. Не будем описывать ее — как, кто и куда двинулся, где стояли полки и тому подобное. В общем, из-за несогласованных действий русских князей, из-за бегства союзников их, половцев, которые смяли ряды русского войска, «русские потерпели повсюду совершенное поражение, какого, по словам летописца, не бывало от начала Русской земли».

А победители, татары, «дошедшие до Новгорода Святополчского, возвратились назад к востоку». Больше татары долго не появлялись на русской земле. Исчезли на 13 лет. Тридцатитысячный отряд Джебе и Субута, производя обычную в стратегии татар «разведку боем», не был основной силой, которую татары готовили обрушить на русские княжества.

Эта «основная сила» явилась в 1238 году. Пришел хан Батый во главе трехсоттысячного войска. Цифра «300 000» явно преувеличена: даже если бы все всадники татарские шли по пять в ряд (а по лесным дорогам, точнее — бездорожью более широкой колонной идти они не могли) и плотно голова за хвостом впереди идущей лошади и если учесть, что каждый их воин вел с собой одну—трех, даже и пять запасных лошадей, то растянулись бы они в походе минимум на 200 километров. А чем кормить такую орду солдат и лошадей?

В «рязанских пределах» явилось это войско, разгромив волжских болгар, «лесною стороною с востока». В декабре осадили Рязань и через пять дней взяли ее штурмом и сожгли. Затем такая же участь постигла другие города русские: Коломну, Москву, Суздаль, Владимир... За один лишь февраль месяц 1239 года взяли 14 городов, не считая «слобод и погостов». Ста верст не дошли до Новгорода (весенняя распутица помешала) и ушли на юго-восток, в степь.

В 1240 году Батый взял Киев («киевлянам нельзя было расслышать друг друга от скрипа телег татарских, рева верблюдов, ржания лошадей»). Весной 1241 года он перешел Карпаты и в битве у реки Сайо разбил венгерского короля и опустошил его земли. Затем татары, поразив по пути двух польских князей, вторглись в Нижнюю Силезию. Победили местного герцога. Путь на запад, в глубь Германии, татарам был открыт. Но тут полки чешского короля Вячеслава преградили им дорогу. Татары не отважились вступить в битву, ушли в Венгрию. Оттуда двинулись было в Австрию, но опять войско Вячеслава и герцогов австрийского и каринтийского встало у них на пути. Не решились с ним сражаться татары

и ушли на восток. «Западная Европа была спасена», но Русь надолго оказалась обреченной жить под татарским игом.

В чем причина таких совершенно невероятных успехов конного войска? (Пешими у татар в открытом поле сражались только союзники.)

Прежде всего железная дисциплина и необычная тактика. То, что русские князья не выступали против татар сплоченно, единым фронтом, тоже облегчало победы их врагам. Но нас в книге о лошади интересует другое: почему именно конница, а не пехота, как было до татар в истории битв, стала главной боевой силой.

Итак, дисциплина. По закону Чингисхана, исполняемому неукоснительно, беглецов с поля боя казнили без жалости и снисхождения, «если из десятка[1] один или несколько храбро бились, а остальные не следовали их примеру, то последние умерщвлялись, если из десятка один или несколько были взяты в плен, а товарищи их не освободили, то последние также умерщвлялись»,— пишет русский историк С. М. Соловьев.

Теперь о тактике. Она была очень простой и в то же время эффективной: эшелонированное построение центра и широкий обхват на флангах. Впереди едут небольшие отряды — «караулы». Это и разведка, и дозорное охранение. Сразу в рукопашную схватку татары не вступали: если первый эшелон всадников, осыпав стрелами неприятеля, не смог его опрокинуть, то татары обычно пускались в ложное бегство. Враги устремлялись в погоню, расстраивали ряды своего войска. В суматохе преследования натыкались вдруг скоро на второй, а за ним и третий эшелон центра, более усиленные, чем первый (часть даже чучелами на лошадях! — чтобы казалось больше воинов). А этим уже двум эшелонам ложное бегство строжайше было запрещено. Сильные отряды флангового обхвата замыкали кольцо окружения. Они были заранее посланы «направо и налево в дальнем расстоянии». Но и тут сначала обычно не сражаются татары врукопашную: главное их оружие все еще лук, стрелы из которого били с такой силой, что «против них не было защиты». Когда изранят стрелами много воинов и лошадей неприятеля, только тогда начинают татары «ручные схватки».

Вооружение у татар было простое: лук, топор (лишь у немногих сабли), окованные дубины — палицы и сплетенный из ивы и обтянутый

[1] Чингисхан разделил свое войско на десятки, которые объединялись в сотни, сотни — в тысячи, войско в десять тысяч называлось «тьмою». Над каждым подразделением был свой начальник.

толстой кожей щит. У немногих богатых — шлемы и броня (на лошадях тоже — из кожи). Каждый воин обязан был возить с собой веревки — «для того, чтобы тащить осадные машины».

Главная сила этого войска была в его сплоченности и в лошадях. Каждый воин вел в поход с собой одну, три, пять и даже больше запасных лошадей. У войска, которое шло в наступление, обозов не было — были вьюки, пожитки и разное снаряжение, упакованное в кожаных мешках. Провианта для себя и для лошадей почти не брали.

Лошади кормились тем, что росло на земле, даже и зимой, копытами разрывая снег. А воины кормились лошадьми, забивая жеребят, раненых, ослабевших или охромевших коней, в крайней нужде и запасных здоровых. Но главная пища — это кобылье молоко. Вскрывали и вены у лошадей, собирали кровь и пили ее, смешав с кумысом.

В дальних походах по двое суток татарские всадники не слезали с седел, чтобы отдохнуть и поесть. Даже спали сидя верхом и не останавливая лошадей (лишь пересаживались с уставшей лошади на запасную). Подвижность, маневренность у такого войска были невероятные по тем временам. Одолевая за сутки по сто, даже по двести километров, татарские отряды появлялись вдруг совершенно неожиданно в самых отдаленных местах, где никакая разведка не успевала предупредить о их приближении.

«Русский народ принял на себя всю тяжесть татарского нашествия и спас Западную Европу от монгольского ига ценою огромных потерь и опустошений; цветущие города лежали в развалинах, жители были перебиты, культурные ценности уничтожены. Освобождение Руси из-под монгольского ига стало исторической задачей русского народа в последующее время» (БСЭ).

КАЗАКИ, КОНИ, СТРАНСТВИЯ[1]

Говоря о лошади, нельзя не рассказать о казаках, ибо веками слиты они были воедино — конь и казак. Повадки, норов, все достоинства

[1] Эта глава написана мною совместно с моим другом Сергеем Охлябининым.

и недостатки своего боевого друга казак знал лучше, чем собственную родню. Из столетия в столетие с большим умением совершенствовали казаки породу своих лошадей. Угоняли после лихих набегов целые табуны восточных лошадей — персидских, арабских, черкесских, турецких, хивинских и прочих, и прочих. Особенно ценились знаменитые аргамаки — ахалтекинские кони. По Хопру, Медведице, Бузулуку и Дону, до реки Донца, на Днепре тоже лошади были поначалу не рослые, крепкие, легкие, неутомимые. Приведенные с Востока кони придали казачьим лошадям большую резвость, красоту экстерьера, благородство форм. Росту тоже прибавили. Прекрасные, ладно скроенные, выносливые кавалерийские лошади издавна были у донских казаков.

А сколько лошадей на Дону паслось в табунах, работало в хозяйстве и на ратное дело призывалось? Во всех войсковых округах сотни тысяч! В прошлом веке — 257 211, в том числе 123 328 маток (данные знатока казачества В. Броневского за 1834 год).

Казаки улучшали своих лошадей. Одновременно шел и другой процесс — складывался особый характер и самого казака, с детских лет привыкшего к тяготам военной жизни и походов. Возможно, именно эта постоянная мобильность, необходимость, а затем и «охота к перемене мест» сделали казака инициативным, сноровистым и изобретательным. Можно назвать десятки казачьих имен, десятки людей, перешагнувших привычный, обыденный рубеж простого воина. Потянулись казаки к неведомому. Военные экспедиции превращаются в географические.

Ермак. Всем русским известное имя. Сейчас, через четыре сотни лет, трудно ручаться за слова: «доподлинно известно». Однако все же считают Ермака Тимофеевича уроженцем станицы Качалинской, что на Дону. Полагают, что он имя свое изменил. То ли Ермолаем прозывался он вначале, а может быть, и Еремеем. Все — не по нему. А вот краткое Ермак в самый раз (возможно, имя его происходит и от другого слова: в Поволжье в старину «ермаком» называли котел для варки каши).

Первые шаги мятежного Ермака достаточно громки. Строгановы — богатейшие купцы и промышленники, владевшие на северном Урале огромными поместьями. Их границы охраняли военные дружины, в основном «охотничьи казаки», или, как их еще тогда называли, «отваги». Служил там и Ермак Тимофеевич.

Что же, однако, говорят о Ермаке его современники? Пожалуй, лучше всего ответит на это старинная песня уральских казаков:

Взговорил Ермак Тимофеевич:
Казаки, братцы, вы послушайте,
Да мне думушку попридумайте.
Как проходит уже лето теплое,
Наступает зима холодная —
Куда же, братцы, мы зимовать пойдем?
Нам на Волге жить! — Все ворами слыть.
На Яик идти? — переход велик!
На Казань идти? — грозен царь стоит —
Грозен царь Иван, сын Васильевич!
Он на нас послал рать великую,
Рать великую — в сорок тысячей...
Так пойдемте ж мы — да возьмем
Сибирь!

Другой род рядом, сразу за Уралом. Другая вера: татарское царство под названием Сибирь. Год. 1581-й.

Вверх по течению медленно тянутся казачьи однодеревки, плоты, струги. Строптивый Иртыш. А сколько супротив? Если у Ермака первое время было 540 казаков, то татарских войск — больше в двадцать раз.

Но разбит хан Кучум. Взят Кашлык — столица татарского царства. Сын Кучума, хан Маметкул, в плену.

По следам казачьей конницы вдогонку спешат ездовые. Едут из Московии. Везут Ермаку дар царя — Ивана Грозного. Позолоченный панцирь. Однако ни кольчуга, ни панагия (нагрудная иконка, тоже подарок царя Ивана) не спасают Ермака. Снова татары, внезапно напавшие, снова бой. И поражение... Казачий атаман тонет в притоке Иртыша — реке Вагай.

Кстати, очень интересно сказал о Ермаке русский ученый Владимир Броневский: «Завоевание Сибири во многом сходствует с завоеванием Мексики и Перу; но наш Кортес, не менее испанского счастливый, оказал и более человеколюбия и более благоразумия».

Время действия — середина XVII века. Казак Василий Поярков — по службе письменный голова. Путешествие из Якутска до Амура.

Первопроходец послан на предмет нахождения «медной и свинцовой руды и приведения под цареву руку новых людей». Сопутчики — 130 казаков. Василий скор на решения. Утверждает: «Амур легко покорить и при том крайне выгодно в виду добрых земель в Пегой Орде» (в Приамурском крае). А еще через двести лет имя этого казака дано казачьей станице на берегу Амура.

...Широта — 66 градусов 30 минут, долгота — 190 градусов 34 минуты: мыс Дежнева — весьма отдаленный от пределов тогдашней России. И сюда добрались казаки с атаманом Семеном Дежневым. Они опережают Витуса Беринга в открытии пролива между Азией и Америкой. На целых 80 лет!

Дежнев — современник Пояркова: тоже середина семнадцатого. Седло казачье сменила кач — плоскодонная посудина с одной палубой. Ходит не под веслами, а «попутняком и под парусами». Тыжел — прииск новых землиц... Известные сопутчики Дежнева — тоже казаки: Стадухин, Анкудинов, Семен Мотора.

Все тот же XVII век. Тяжесть чужеземного нашествия. Поляки. И здесь снова казаки. В сентябре 1612 года ими отбит у поляков Китай-город. Вскоре атаманам Маркову и Епанчину сдается и занятый поляками Московский Кремль. И далее воюют казаки, расширяя границы России. Опять послушаем В. Броневского: «Азовские турки, дабы воспрепятствовать Донским лодкам выходить в море, построили на берегах реки, ниже крепости, две башни, вооружили их пушками и между башнями поперек Дона протянули в 3 ряда железную цепь. Предприимчивые донцы в 1616 году истребляют на Черном море турецкие купеческие корабли и город Синоп нечаянным нападением взяли».

Велика заслуга казачества в исследовании и освоении новых земель. Но и не меньшая в таких делах, как защита России от иноземного вторжения. И не только, конечно, в изгнании поляков с русской земли. Во всяком случае, во всех крупных битвах сражались казаки в составе русской армии.

В войнах восставшего народа казачество было немалой силой. Все русские люди знают имена выдающихся борцов за свободу угнетенного крестьянства — С. Т. Разин, К. А. Булавин, Е. И. Пугачев.

КОЗАК ТАТАРСКИЙ И КАЗАК РОССИЙСКИЙ

Казачьи поселения на южных окраинах России уже в XIV веке образовали вольные люди, «свободные от тягла» и работавшие по найму, также и крестьяне, бежавшие на Дон и Днепр от помещичьего гнета.

Не только из русского населения формировалось казачество, но и из других национальностей.

У названия «казак» татаро-монгольские истоки: «ко» — броня и «зах» — граница (есть, правда, и другие версии).

Татарские «козаки» — это авангард, караульные разъезды и разведчики войска. Молодые, еще бессемейные удальцы. Их замечают русские князья. Отдают дань их усердию. И берут на службу. Теперь татарские козаки несут сторожевую службу у русских князей. На границах владений. На окраинах. Козаками заселяют Муромские земли, а вдоль притоков Оки оседают мещерские и городецкие козаки. Татары русской службы. Одновременно вербуются в казаки и русские люди. Служат они, так сказать, по найму: организованно. А «неорганизованные» поселения вольных козаков в ту же пору, как говорилось уже, возникают на Дону и Днепре, затем и на других рубежах России.

Вожаки казачьи (коноводы) назывались атаманами (по-украински — отоманами). Слово это, очевидно, тюркского происхождения и первоначально звучало так: ватамман — командир в артельной ватаге. В Новгородских грамотах XIII века оно так и записано.

В Донском войске были атаманы войсковые, выбираемые казачьим кругом, а также и походные (у запорожцев — кошевые), которые тоже избирались кругом. После подавления Булавинского восстания в 1707—1708 годах войсковые атаманы назначались правительством. Называли их наказными атаманами. Кроме того, были атаманы рангом пониже — окружные и станичные, возглавлявшие округа, отделы и станицы казачьих поселений. С 1827 года наказным атаманом всех казачьих войск считался наследник царского престола.

Помощники, как бы заместители, войсковых и походных атаманов назывались есаулами (от татарского «ясаул» — «начальник»). К началу нашего века такие были учреждены офицерские чины в казачьей коннице: хорунжий, старше его — сотник, затем — подъесаул, есаул, войсковой старшина, полковник (соответствовавшие чины в кавалерии царских

времен: корнет, поручик, штабс-ротмистр, ротмистр, подполковник, полковник, а в пехоте — прапорщик (только в военное время), подпоручик, поручик, штабс-капитан, капитан, подполковник и полковник).

К 1916 году было в России 12 казачьих войск: Донское (почти 1,5 миллиона человек), Кубанское (миллион триста тысяч), Оренбургское (533 тысячи), Забайкальское (265 тысяч), Терское (255 тысяч), Сибирское (172 тысячи), Уральское (166 тысяч), Амурское (49 тысяч), Семиреченское (45 тысяч), Астраханское (40 тысяч), Уссурийское (34 тысячи), Енисейское (приблизительно 10 тысяч). Кроме того, Якутский полк (примерно 3 тысячи).

Всего казаков — около 4 миллионов 400 тысяч. В годы гражданской войны большинство их сражалось на стороне Советской власти.

В Отечественной войне 1941—1945 годов многие казачьи соединения отважно бились с немцами на всех фронтах.

В РЫЦАРСКИЕ ВРЕМЕНА

Итак, рыцарство. Перенесемся мысленно на семь-восемь веков назад. Мы в Руане, в городе, захваченном англичанами у французов. 1129 год. Король Генрих Английский требует у Фулька Анжуйского, чтобы тот прислал к нему во дворец своего сына Готфрида. Король хочет сам посвятить его в рыцари. Готфриду 15 лет. Он входит в тронный зал дворца в сопровождении 25 дамуазо (оруженосцев) одних лет с ним. Сам король Генрих, который «обычно ни перед кем не поднимался», встает с трона и идет к нему навстречу. Он обнимает Готфрида и ведет его к столу. За обедом король задает будущему рыцарю разные вопросы и остается доволен его умом и речью.

На следующий день с раннего утра готовят во дворце ванны. Вымывшись, Готфрид надевает льняную рубашку, полукафтан, шитый золотом, пурпурную мантию, на ноги — башмаки с золотыми львами. И все его спутники, дамуазо, тоже после ванны облачаются в льняные рубашки и пурпурные мантии. Готфрид со свитою выходит во двор, «словно белоснежный цветок лилии, осыпанный лепестками роз». Приводят коня, приносят доспехи и оружие. Готфрид надевает кольчугу из двойных колец, которую «не пробить ни одному копью», на шею

вешают ему щит, на голову надевают шлем с драгоценными камнями и такой крепкий, что «его не пробьет ни один меч», опоясывают мечом работы знаменитого мастера Галана. Прославленные рыцари подвязывают ему золотые шпоры. И вот Готфрид вскакивает на коня (без помощи стремян!) и поражает на скаку одетые на столбы старые кольчуги, щиты и каски. Целый день он предается воинским забавам вместе с дамуазо, тоже посвященными в рыцари.

Таково наиболее пышное посвящение в рыцари XI — XII веков. Здесь нет удара по шее, нет и освящения епископом меча — обязательного ритуала посвящения более поздних веков.

Слово «рыцарь» происходит от немецкого «риттер», а «риттер» в свою очередь — от «райтер», то есть «всадник». Этот всадник «...в полном вооружении весил в XII веке 170 килограммов, а в XVI веке — 220» (И. Фляде и Г. Ленц).

Какая же сила была у лошади, способной нести такую тяжесть!

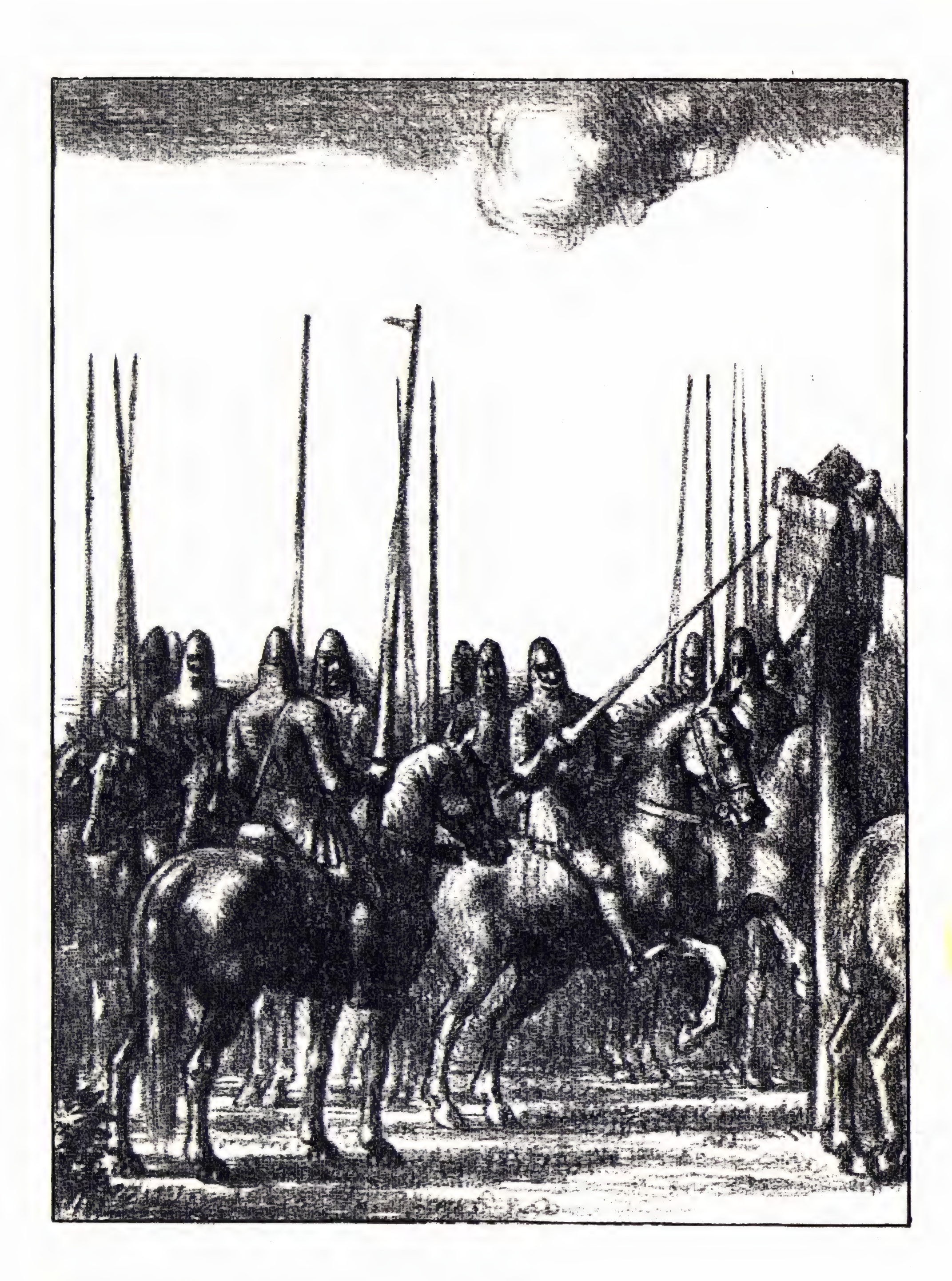
Но здесь я должен высказать свои сомнения: в XII веке — 170 килограммов, а в XVI веке — 220—таких тяжелых доспехов и вооружения, на мой взгляд, никогда не существовало, Фляде и Ленц превысили их вес. В XI — XVI веках даже латный турнирный доспех (а турнирные были много массивнее боевых) весил до 40 килограммов. Боевой «максимилиановский» в лучшем случае — 30 килограммов. Прочее вооружение вместе с копьем — еще 25 килограммов. А конская броня?

У нас в Оружейной палате хранится один из ее образцов конца XVI века. С нагрудником, с накрупником, с пластинами, защищающими шею и лоб, словом, полная конская броня. Майя Николаевна Ларченко, большой знаток рыцарского вооружения, взвешивала эту броню — всего около 20 килограммов оказался ее вес.

Итак, если мы сложим все приведенные мной выше цифры, получится 75 килограммов. Плюс вес очень массивного седла — примерно 15 килограммов. Допустим, сам рыцарь весил 80—90 килограммов. Итого: 170—180 килограммов должна была нести на спине рыцарская лошадь в XV — XVI веках (если я не ошибаюсь).

Но ведь и это не мало!

Кони, на которых рыцари выступали в бой или на турниры, больше были похожи на облегченных тяжеловозов типа арденов, чем на кавалерийских лошадей более поздних времен.



В поход и в бой рыцарь шел не один: с ним были обычно оруженосец, два лучника, пеший копейщик и два слуги (пеший и конный). Это боевое подразделение называлось «копьем». 25—80 копий составляли «знамя».

Любимым построением перед боем был «клин» (или «свинья», как называли этот рыцарский строй русские).

Острие клина состояло из 35—40 рыцарей, либо всего из пяти. Тогда в следующих двух рядах было 7 рыцарей, затем шли ряды по 9, 11, 13 воинов, за ними строилась в каре вся рыцарская конница (13—14 человек в каждом ряду).

В больших сражениях бывало девять и больше клиньев, которые составляли три боевых линии.

С XIV века рыцари предпочитали сражаться в пешем строю. Английский король Эдуард III — один из тех, кто ввел это тактическое новшество. Англичане в сражениях больше всего полагались на лучников, а рыцари защищали их от вражеских атак. Битва при Кресси (1346) показала преимущество такого построения.

Эдуард III построил своих знаменитых лучников длинной цепью. За ними стояли в три ряда спешившиеся рыцари — в первой их шеренге сражался шестнадцатилетний сын Эдуарда, прославленный потом Черный принц.

Французы выступили из Аббевилля недружно: к полудню их последние отряды еще только покидали город, а передовые давно уже были в пути. Весь день, голодные, шагали они по полям и нигде не видели англичан. А когда увидели их, было уже поздно: солнце клонилось к закату. Следовало бы дождаться утра, но удержать рыцарей было невозможно.

Обгоняя друг друга, ринулись они на англичан. Высланные вперед генуэзские арбалетчики не успели забрать в обозе свои щиты. Когда английские лучники открыли убийственную стрельбу, генуэзцы падали один за другим, сраженные их длинными оперенными стрелами, раньше, чем успевали подойти на выстрел арбалета. В стрельбе из луков англичане превзошли даже греков, известных атлетов: они бросали стрелу на 600 метров, а на двести били без промаха (рекорд греков — 521,6 метра, как повествует о том древняя надпись в Ольвии, под Одессой). Генуэзцы побросали арбалеты и побежали.

Вот вам и вся от них польза! — сказал граф д'Алансон и пришпорил коня.

Рыцари тронулись за ним. Они топтали и рубили своих генуэзцев безжалостно, но когда приблизились к железному строю англичан, стрелы, летевшие, «как снежные хлопья», метко разили их. Кони, пронзенные стрелами, не слушались всадников. Первые ряды врубились в английский строй, сзади напирали новые отряды, спотыкались о трупы генуэзцев и сраженных рыцарей. Неразбериха и свалка были дикие. Французы бились храбро, но не умно: наскакивали малыми отрядами, и англичане громили их по частям, не сходя с места. Слепой король богемский, Иоанн, который был с французами, выбрал в поводыри смелого рыцаря де Базейля.

— Сеньор,— сказал он ему,— вы мой вассал и мой друг. Я прошу: подведите меня как можно дальше вперед, чтобы я мог нанести хоть один удар мечом.

— Охотно, монсеньор.— Он и другие близкие к королю рыцари крепко связали свои поводья и все вместе двинулись на англичан. Прорвались сквозь град стрел, и храбрый слепой король ударил мечом не раз, а четыре раза! Но все они полегли лицом к врагу, с мечами в руках.

В одном сильном натиске французы сбили с ног принца Уэльского, но английские рыцари бросились к нему и мечами буквально вырубили вокруг него просеку в толпе врагов. Томас Нарвич поспешил к королю Эдуарду за помощью: на правое крыло англичан, где бился Черный принц, французы обрушили самые сильные атаки.

— Скажите, сир Томас,— спросил его Эдуард,— убит мой сын или ранен, что он не может вам помочь?

— О, нет, но нам плохо приходится!

— Ну так вернитесь к нему и избавьте меня от подобных посланий. Мой приказ вам — дайте ребенку заслужить рыцарские шпоры.

Больше пятнадцати атак отбили англичане. Цвет французского рыцарства пал в этой битве — 1200 воинов с золотыми шпорами. С этой победой, а точнее, с праздником в честь ее связано одно интересное событие: учреждение первого в мире ордена.

Когда вернулся король Эдуард в Англию, в честь четвертой годовщины битвы при Кресси устроил большой бал. И сам танцевал на балу с графиней Солсбери. И вдруг — о, ужас! — его дама потеряла подвязку от чулка. Вокруг заулыбались. Но галантный король поднял с пола голубую подвязку со словами: «Да будет стыдно тому, кто плохо

об этом подумает!» А на другой день приказал учредить высокий орден королевства — голубая лента с золотой пряжкой. На ленте надпись: «Да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает». Повязывать ленту над коленом левой ноги. На груди — другой орденский знак: св. Георгий, опоясанный такой же, но металлической лентой. Число живых кавалеров Ордена Подвязки насчитывалось не больше двадцати пяти.

ТУРНИРЫ И КАРУСЕЛЬ

Излюбленной забавой рыцарей были турниры. Предание называет Готфрида де Прельи изобретателем турниров. Умер он в 1066 году. Однако и до него были турниры. Скорее всего, Готфрид де Прельи ввел определенные правила в турниры. Например такие: запрещалось сражаться вне очереди, наносить удары лошадям, продолжать бой после того, как противник поднял забрало, нападать нескольким на одного и др.

Германия была первой страной, увидевшей турниры.

В 928 году император Генрих устроил турнир на острове Верден в Магдебурге. Вначале это было простое упражнение в военном искусстве. Но затем превратились турниры в кровавое зрелище. Особенно много смертельных случаев было в XIII веке. В 1420 году на турнире в Нейсе (около Кельна) погибло больше шестидесяти рыцарей и оруженосцев.

Церковь на Клермонском соборе в 1130 году запретила турниры. Затем и короли во многих указах присоединились к церковным постановлениям.

Но турниры продолжали существовать.

Устраивали их вначале владетельные князья по случаю разных праздников. Затем образовались турнирные общества, которые организовывали турниры систематически в разных городах Европы. Это были торжественные зрелища. За несколько дней до турнира о нем возвещали герольды. В монастырях выставлялись гербы рыцарей—участников турнира. В город, где предстояло быть турниру, приезжало много рыцарей и коронованной знати. Все окна на улицах были украшены знаменами прославленных рыцарей. Пиры, балы...

Место, где бой, окружено высоким забором. Внутри — арена, отде-

ленная перилами от зрителей. Для дам, судей и старейших рыцарей — ложи на деревянных подмостках.

За порядком на арене следили герольды. Они выкликали имена вступавших в бой рыцарей, перечисляли их подвиги и заслуги предков, они же и просили дам остановить бой, когда страсти особенно разгорались.

Турнир обычно состоял из двух частей. В первой — состязания в метании боевых топоров, фехтование мечами, осада деревянных «за́мков», построенных для турнира, единоборство на конях; скакали навстречу друг другу с копьями наперевес и старались выбить противника из седла.

Вторая часть — сражение отрядов. Строились в две шеренги (обычно по национальностям). Тут рыцари бились особенно ожесточенно и нередко с тесной арены выходили в поле.

Решение о том, кто победитель, выносили коронованные особы, старейшие рыцари и дамы, которых просили сказать, кому дать высшую награду. Ее вручала какая-нибудь дама победителю. Затем его вели во дворец, и там дамы снимали с рыцаря-чемпиона оружие и доспехи. И начинался пир.

Победа на турнире не всегда приносила рыцарю только честь и славу, но и материальные выгоды: он мог забрать у побежденного коня и оружие, мог взять его в плен и требовать выкупа.

В конце средневековья турниры уже не были такие смертоубийственные, как в XIII веке. Наконечники с копий были сняты и прочее оружие допускалось на турнир только тупое. И все равно гибли на турнирах рыцари.

Большое впечатление на общество тех дней произвела смерть Генриха II. В 1559 году он выдал свою старшую дочь за Филиппа II. По случаю свадьбы устроил трехдневный турнир, на котором сам вступил в единоборство с графом Монтгомери. Копье графа сломалось от удара о панцирь Генриха. Осколок копья вонзился ему в лоб. Через несколько дней король умер от этой раны.

Постепенно турниры вышли из моды. Их заменила карусель.

Сооружался большой вращающийся круг, на нем — корзины. В них сидели дамы и раздавали призы победителям.

А претенденты на эти призы разъезжали вокруг карусели в красочных нарядах — индийских, персидских, римских и древнегреческих.

Обычно они строились в кадрили — отряды всадников с пажами, оруженосцами и музыкантами. Каждая кадриль отличалась цветом нарядов и своими эмблемами. В каждой — свой руководитель.

За парадом кадрилей, изображавших разные аллегорические фигуры, начинались состязания: фехтование, показательные бои на тупых копьях и на деревянных палицах, метание дротиков, рубка чучел. Затем — общая скачка.

В России первые карусели были при Екатерине II в 1766 году. Всадники разделялись на четыре кадрили, отличавшиеся костюмами разных народов: славянскую, индийскую, римскую и турецкую.

Позднее еще не раз устраивались карусели в Петербурге и Москве. От такого «круговращательного и презабавного сидения» и получилась наша карусель, любимое детское развлечение.

РЫЦАРСКАЯ ЛОШАДЬ И РЫЦАРСКИЙ ДОСПЕХ

Рыцарских коней не набирали из крестьянских лошадей. Их разводили в конюшнях в замках или около них в особых усадьбах. Заведовали этими конюшнями маршалы. Это был придворный чин, а лишь позднее — воинское звание.

Коневоды тех дней старались вывести сильных, тяжелых лошадей, которые могли бы нести на спине рыцаря в полном вооружении. Сколько весил такой всадник, узнаем чуть позже.

Однако во время крестовых походов эти массивные рыцарские кони, неповоротливые и нерезвые, оказались менее пригодными для конных боев, чем быстрые и легкие восточные лошади. И хотя рыцари были закованы в более прочную броню, чем их противники, они несли большие потери в конных сражениях тех дней.

У богатых рыцарей и владетельных князей лошади сияли блеском своей сбруи: драгоценными камнями, которыми украшались уздечки и шитые золотом чепраки. Два таких чепрака (подарок турецкого султана царю Николаю I) хранятся у нас в Эрмитаже, они буквально сплошь усыпаны крупными бриллиантами.

В поход рыцари шли не на боевых конях: их берегли для сражений.

Обычно ехали на мулах или на менее ценных лошадях, чем боевые кони.

До первого крестового похода (1096) рыцарский доспех назывался броней. Это была толстая льняная или кожаная рубаха с нашитыми на нее железными полосами. Однако стоил этот простейший доспех и все снаряжение рыцарское очень дорого:

Шлем — 6 коров

Панцирь — 12 коров

Меч с ножнами — 7 коров

Набедренники — 6 коров

Копье и щит — 2 коровы

Боевой конь — 12 коров

Итого 45 коров! Стадо целой деревни. И все-таки это много дешевле, чем стоимость всех позднейших доспехов.

После крестового похода появилось в Европе восточное изобретение — кольчуга, сплетенная из железных или стальных колец рубаха с капюшоном и штаны. Вес наиболее тяжелой «арабской кольчуги» — около 15 килограммов. Под кольчугу одевался гамбизон — комбинезон из стеганой материи.

С XIII века к кольчуге приделывались наплечники и наколенники из толстого металла, а через сто лет — еще и нагрудник.

С годами кольчуга обрастала металлом, в XV веке все ее металлические части срослись в цельный латный доспех. Казалось бы, куда надежная защита, но тяжелые, железные стрелы арбалетов и пули появившихся уже первых самопалов пробивали и этот доспех.

В конце XV века германский император Максимилиан I, один из самых искусных рыцарей своего времени, решил изобрести такой доспех, который бы пули и стрелы не пробивали (сделать его из более толстых листов железа) и чтобы все его части были так скреплены, что в нем можно было бы свободно ходить, а главное, мечом махать. Такой доспех был сделан мастерами тех лет и продержался почти без изменений весь XVI век. Это была, можно сказать, ювелирная работа. Доспех был чрезвычайно сложен: больше чем из 200 железных колец и полос он состоял, а если учитывать и маленькие его части — пряжки, винты, шарики, пружины — так больше тысячи деталей было в нем!

Весили эти латы примерно 30 килограммов (по другим данным — до 80 килограммов), 5,5 килограмма — шлем, примерно 7 килограммов —

кольчуга, которая одевалась под латы, щит — 5,5 килограмма, меч — килограмма три... Итого получалось больше трех пудов! А еще вес копья, боевого топора или молота. Если учесть, что люди в те времена ростом были намного меньше современных, то можно себе представить, какой это был тяжкий труд — быть рыцарем!

Собственными силами подняться с земли упавший рыцарь не мог, сам сесть на лошадь тоже не мог, его подсаживали оруженосцы. В жару или, наоборот, в мороз этот доспех превращался в настоящее орудие пытки. И вполне понятно, что рыцари, несмотря на запреты королей, предпочитали возить свои доспехи в обозе и не спешили надевать их перед боем.

В общем, раздавленная тяжестью своих доспехов рыцарская конница умерла. Если в начале XVII века и встречался еще кавалерийский латный доспех, то далеко не такой сложный, как «максимилиановский». С XVIII столетия из рыцарского железного одеяния сохранились до начала нашего века только шлем (но без забрала) и кираса (железный жилет), и то лишь в кирасирских конных полках (в некоторых странах — и у драгунов). Гусары, уланы, кавалергарды кирас не носили.

КОННИЦА НОВЕЙШИХ ВРЕМЕН

Гусары — наиболее древнего происхождения. В 1458 году венгерский король Матвей Корвин приказал для защиты от турок образовать особое ополчение: от двадцати дворян выставлялся один конный дворянин и при нем определенное число вооруженных людей. Оно называлось, это ополчение, «хуср» — от тогдашнего жалования гусар — «20 уар».

Венгерский князь Стефан Баторий, когда стал в XVI веке польским королем, привел с собой гусар на новую родину. Здесь гусары прочно обосновались на все последующие века. Стали модной и почетной кавалерией, в них служили преимущественно богатые люди.

В 1688 году первый регулярный гусарский полк появился в Австрии, затем — во Франции, Пруссии, в начале прошлого века — в Англии. В Италии гусар никогда не было.

В России о гусарах, как о войске иноземного строя, упоминается впервые в 1634 году. Когда Петр I организовал регулярную армию,

гусары исчезли и появились вновь лишь в 1723 году, когда он приказал из сербов, эмигрантов из Австрии, сформировать гусарские полки и поселить их на Украине. Затем при разных правителях гусарские полки (набранные обычно из сербов, македонцев, венгров, молдован, грузин) то переименовывались, то расформировывались, то создавались вновь. К 1812 году в России было 12 гусарских полков, а перед революцией — 2 гвардейских и 18 армейских.

Хорошо известна по картинам и фильмам традиционная форма гусар: доломан — куртка со стоячим воротником и шнурами. К ней пристегивался ментик — короткая куртка, обшитая мехом, которая обычно лишь накидывалась на плечи. На ней нашиты в несколько рядов пуговицы и петли из шнуров на венгерский манер. Меховая шапка с султаном или кивер, чакчири — рейтузы, расшитые шнурами, и короткие сапоги.

Вооружение гусар — сабля, карабин и пистолеты (у офицеров).

Слово «улан» происходит от татарского «оглан» (или «углан») — «юноша». Так назывались члены ханской семьи по младшей линии, которые лишены были возможности занять престол. В Польше на военной службе было много огланов. Одежда у них первое время была татарская. От нее позднее осталась лишь одна деталь — квадратный верх шапки.

В России сформированный при Екатерине II конный полк, вооруженный саблями и пиками, получил название сначала пикинерского. При Павле образовалось еще два таких полка, которые, несмотря на уланское вооружение (пики), стали называться уланскими лишь с 1803 года, когда появился лейб-гвардейский уланский полк. Позднее несколько драгунских полков были перевооружены в уланские.

Драгуны — «ездящая пехота», как назвал их известный историк военного искусства Ганс Дельбрюк. Драгуны перед сражением спешивались и шли в бой как пехота (позднее воевали они и в конном строю). Название получили от латинского слова «драко» — «дракон», который был изображен на знамени драгунов. Появились они впервые в XVI веке во Франции.

В России впервые драгуны упоминаются в 1631 году. Через пятьдесят лет было уже 25 копейно-рейтарских полков, роль которых в бою была примерно такая же, как у драгун. В 1882 году вся армейская кавалерия преобразована в драгунов, в 1907—вновь восстановлены гусары и уланы.

Перед революцией в России был один гвардейский и 21 армейский полки драгун.

Драгуны — как бы переходный род войск — от легкой кавалерии (гусары, уланы) к тяжелой — кирасиры.

Кирасиры — дольше всех в кавалерии сохранили часть латного доспеха — кирасу. Шлемы у них тоже были стальные. Посажены они были на более рослых и сильных лошадей, чем прочая кавалерия, и сами ростом подбирались высокие.

В России в 1731 году один драгунский полк был преобразован в первый кирасирский.

В 1860 году все кирасирские полки, кроме четырех гвардейских, преобразованы в драгунские.

Кавалергарды — кавалерия особая, это как бы «обергвардия», в которой рядовыми служили высшие офицеры, офицерами — генералы и полковники.

Так было при Петре I, когда он в 1724 году организовал конную роту кавалергардов (60 человек) для почетного конвоя Екатерины I в день ее коронования.

После коронования кавалергарды были расформированы, но в 1726 году вновь восстановлены Екатериной I. Сама она приняла звание их капитана.

В дальнейшем не раз расформировывались и вновь формировались кавалергарды.

В 1800 году все привилегии (и серебряные трубы и литавры!) у кавалергардов отобрали, стали они трехэскадронным гвардейским полком на равных правах с другими гвардейскими полками.

К тому времени, когда появились гусары, уланы, драгуны, лошадь стала уже не той, что прежде. В древности лошади были мелкие: 130—140 сантиметров в холке. В рыцарские времена потребовались более высокие и тяжелые лошади.

Позднее возникла новая кавалерия и новые лошади: более легкие и быстрые, чем у рыцарей. Ростом тоже уже не те, как в древности: до 170 сантиметров в холке.

Мы видели уже, как в битве при Кресси рыцари сошли с коней, чтобы сражаться пешими. В последующие времена, после XIV века, во всех крупных сражениях преимущество перед конным, как и в древности, получает пеший бой. Конница опять становится вспомогательным родом

войск. Так было во все века до первой мировой войны включительно. Но вот произошла в России Октябрьская революция. Потом гражданская война.

И в ней снова конница выходит на передний план. Особую боевую мощь в этой войне показала Первая конная армия. Она была сформирована 17 ноября 1919 года по решению РВС Республики на базе 1-го конного корпуса С. М. Буденного. В состав ее входили еще пять кавалерийских дивизий, отдельная кавбригада, автобронеотряд, несколько бронепоездов, авиагруппа и другие боевые силы.

Командиром Первой конной армии был С. М. Буденный, комиссаром первое время — К. Е. Ворошилов.

На разных фронтах победоносно сражалась Первая конная армия. В ноябре — декабре 1919 года она была ударной силой Южного фронта. В январе 1920 года вместе с войсками 8-ой армии освободила Таганрог, Ростов-на-Дону и разгромила основные силы Добровольческой белой армии.

Фронт врагов был рассечен на две части.

Конец января 1920 года — Первая конная армия сражается на Кавказе. А когда белополяки выступили против нашей страны, с Кавказа она была переброшена на Украину. Здесь Первая конная армия зашла в глубокий тыл врага и освободила Житомир, Бердичев, Новгород-Волынский, Ровно и вела тяжелые бои на подступах ко Львову. Поляки стали быстро отступать.

Первую конную армию направляют теперь на Южный фронт для борьбы с Врангелем.

Первая конная армия сражалась и против Махно на Украине, а на Кавказе — против повстанческих войск генерала Пржевальского.

Победы этой армии вошли в историю как самые славные подвиги Красной Армии.

«КЕНТАВРЫ» В АМЕРИКЕ

Прежде чем распрощаться с лошадью как военной силой, вернемся на несколько веков назад в Америку, там боевая роль лошади была особенно велика.

Когда Колумб 3 августа 1492 года впервые ступил на землю Нового Света, он не привез с собой ни одной лошади. Но во втором путешествии к берегам Америки лошади с ним были: среди нескольких сотен солдат 20 вооруженных копьями всадников. Уже первые сражения с индейцами показали, как ценна здесь лошадь, как боятся ее индейцы. Очевидно, завоевание Мексики протекало бы совсем иначе, если бы не было у испанцев лошадей.

Не станем говорить о том, кто он и откуда взялся — Эрнандо Кортес.

Начнем с того, что набрал он на Кубе отряд в 508 человек, несколько пушек и 16 лошадей.

С этими мизерными силами отправился в 1519 году на завоевание Мексики, процветающей многолюдной страны индейцев. В этой авантюре главная его надежда была — лошади.

И правда, в первых же столкновениях с индейцами лошади произвели на них ошеломляющее впечатление. В стране Табаско было первое нападение индейцев крупными силами на испанцев. Их пеший отряд они окружили и напирали все сильнее. Неизвестно, чем бы все это кончилось (и завоевание Мексики тоже), если бы в критический момент в тылу индейского войска вдруг не появилась «кавалерия» Кортеса. Шестнадцать всадников так напугали индейцев, что все они разом, побросав оружие, побежали кто куда.

«Никогда еще индейцы не видели лошадей, — пишет историк походов Кортеса, Берналь Диас, — и показалось им, что конь и всадник — одно существо, могучее и беспощадное. Луга и поля были заполнены индейцами, бегущими в ближайший лес».

Но вот наконец после разных перипетий подошли испанцы к столице сказочной страны — Теночтитлану (ныне Мехико). Верховный вождь Монтесума любезно встретил у ворот столицы испанцев, растерянных и пораженных богатством и многолюдием огромной страны, которую они с такой бессовестной самонадеянностью хотели завоевать.

Кругом расстилались прекрасно возделанные поля, на холмах и среди равнин высились города неведомой им, но прекрасной архитектуры.

Поразил их и сам Монтесума: он весь от ног и до головы был усыпан драгоценными камнями и жемчугом. Свита, не менее блистательная, окружала его.

Дорогие ткани расстелили перед Монтесумой, когда он пошел навстречу к Кортесу. Тот спрыгнул с коня и без страха и смущения подошел к Монтесуме и приветствовал его. Затем Монтесуму унесли на носилках...

«Мы не знали, что и сказать,— удивляется Берналь Диас,— мы не верили своим глазам. С одной стороны, на суше — ряд больших городов, а на озере — ряд других, и само озеро покрыто челнами... и перед нами великий город Мехико, а нас только четыре сотни солдат! Были ли на свете такие мужи, которые проявили бы такую дерзкую отвагу?»

Испанцев поселили в большом здании. Солдаты обшарили помещение и нашли потайную, замурованную дверь. Открыли ее — а там столько сокровищ, что только на их осмотр и сортировку ушло три дня. Все золото драгоценностей испанцы перелили в бруски, которые были сложены в три большие кучи.

Начался дележ добычи, потом испанцы взяли в плен Монтесуму, заковали его в цепи, затем Кортес, оставив в Мехико небольшой гарнизон, отправился сразиться с враждебным ему испанским отрядом, разбил его, снова вернулся в Мехико, тут мексиканцы подняли восстание, умер от ран Монтесума, испанцы с большими потерями бежали из Мехико, а потом, в 1521 году, завоевали его окончательно. Все это детально описано Берналем Диасом, и почти на каждой странице у него — восхваление лошадей, без которых, говорит он, мы погибли бы. Он дает точную справку о каждой лошади, какой она была масти, где и кем приобретена, какие у нее достоинства и пороки.

Подробно описал он очень важное, по его мнению, событие.

Дело было так: один всадник, «особенно храбрый и опытный», Педро де Морон, с тремя товарищами ворвался в ряды индейцев.

Индейцы схватили его копье, и он не мог маневрировать. Под ним убили лошадь. Товарищи бросились его выручать, вытащили из свалки раненого. А из-за мертвой лошади началось настоящее сражение. Но индейцы одолели, испанцам пришлось отступить, индейцы утащили лошадь с собой. В ближайшие дни они показывали ее по разным городам, чтобы сограждане их убедились в том, что лошадь — обычное смертное животное, а не сверхъестественное существо. Кортеса очень огорчило все это.

Лошади играли важную роль и при покорении Перу испанцами под

начальством Франсиско Писарро. Правда, страх перед «кентаврами» здесь был уже меньше.

Со временем индейцы научились с помощью лассо стягивать всадников с коней, а позднее некоторые и сами сели на отбитых у испанцев лошадей.

ВТОРАЯ ИНТЕРМЕДИЯ: О СБРУЕ И ПОДКОВАХ

Здесь, предупреждаю, мнения разных авторов не по всем пунктам сходятся. Особенно в вопросе о седлах и подковах. Мы возьмем тот вариант, который изложен ниже.

Раньше всего человек научился пользоваться уздой. Примитивные, из сыромятных ремней удила были уже в употреблении на прародине ариев, в южнорусских степях. Там же позднее появились и железные удила, или трензеля.

Долго люди ездили, что называется, «охлюпкой»: без седла. Греческие и римские всадники накидывали на конские спины попоны и бодро выступали в бой и на цирковые ристалища. А германцы презирали и попоны. По их понятиям, говорит Юлий Цезарь, нет ничего более постыдного и малодушного для всадника, как сидеть на мягкой подстилке. На таких «трусов» они смело нападают, даже если и встретят их многочисленный отряд.

И тем не менее именно германцы, разгромившие в IV веке Рим, сидели уже в седлах. Они укрепляли по бокам холки коня две плоские доски так, чтобы хребет лошади торчал между ними. Доски покрывали звериной шкурой.

К этому времени относится и первое упоминание о седле в римских документах: издана была инструкция, приказывающая, чтобы самые тяжелые седла были у почтовых лошадей.

Непонятно, почему западные народы не заимствовали у ассирийцев такое важное изобретение, как седло. В Ассирии уже в VIII веке до нашей эры были небольшие седла-попоны. Они крепились подпругами и нагрудными ремнями.

«В VII веке до нашей эры,— говорит Вера Борисовна Ковалевская,

большой знаток истории лошади,— появляется небольшое треугольной формы мягкое седло, возможно, с передней и задней подпругой, положенное поверх большой попоны».

Ассирийцы же в VIII веке изобрели и мартингал — пристегнутый к передней подпруге ремень, идущий под грудь лошади и дальше, раздваиваясь, к одному и другому поводу. Он не дает лошади слишком сильно задирать вверх голову.

Нигде, ни на одной картине или памятнике, до нашей эры нет стремян. Впервые они изображены (не железные, а петли из ремней) на знаменитой античной вазе, украшенной сценами из скифской жизни, найденной при раскопках Чертомлыцкого кургана. Изготовлена эта ваза, очевидно, в IV веке нашей эры. Примерно в это же время, считают некоторые авторы, у варваров были стремена, связанные из палочек в виде треугольника.

«Также и подковы не были известны в древности,— пишет Ганс Бауэр в книге о лошади.— Ни один писатель не упоминает о них, ни одна раскопка не обнаруживает лошадей с подковами».

Самая древняя форма подков — «башмаки» из лыка или конопли. У лошадей Чингисхана копыта были обмотаны кожей.

Но на тысячу лет раньше его употреблялись такие подковы: массивные, кованные из железа «башмаки», которые ремнями крепились к лошадиной ноге.

Настоящего типа подковы (с гвоздями), возможно, только в V веке были изобретены. В рыцарские времена подковы имели символическое значение: они представляли достоинство коня и всадника. В наказание снимались подковы: одна, две, три или все четыре. Считалось большим позором ездить на «босой» лошади.

Шпоры появились в IV веке до нашей эры.

Вначале это были просто деревянные острые колышки, которые привязывались к пятке.

Во время расцвета Древнего Рима уже знали железные шпоры. Их форма и способ крепления к башмаку, а позднее к сапогам менялась от века в век.

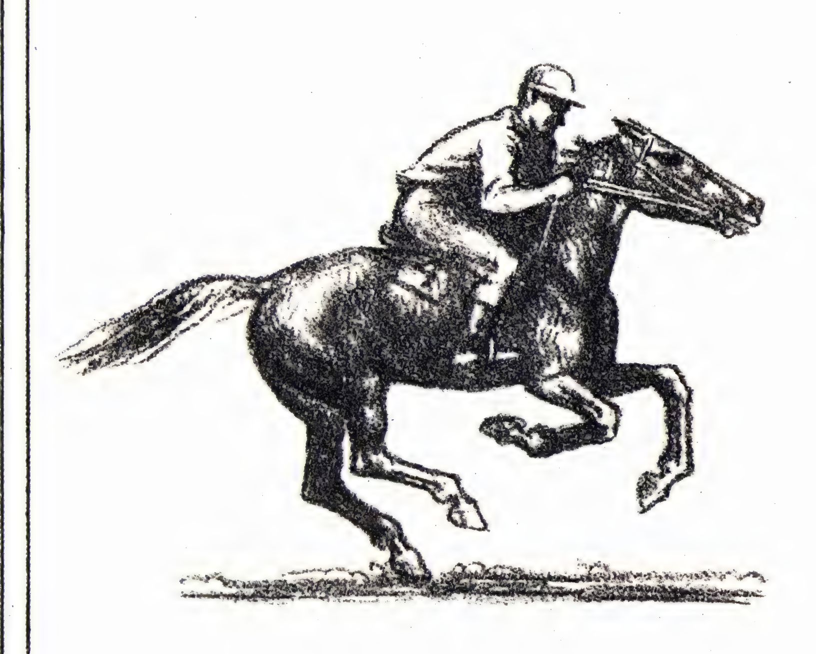
Шоры на глазах были уже у лошадей Древнего Египта.

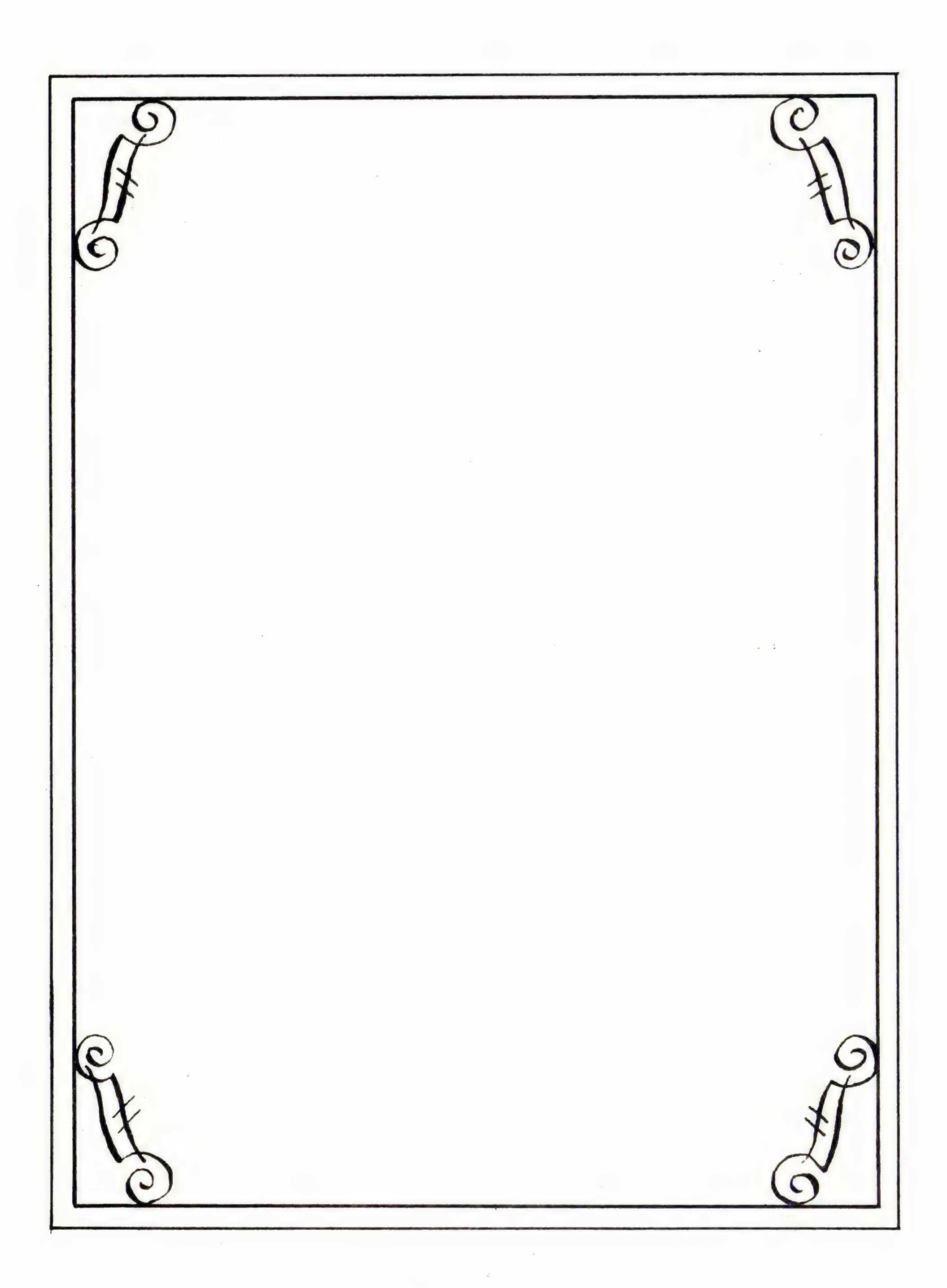
Дамское седло вошло в употребление в XII веке, но еще четыреста лет назад английская королева Елизавета ездила на прогулки, сидя по-мужски на крупе лошади позади своего шталмейстера.

И наконец, последнее изобретение — мундштук — был придуман основателем высшей школы верховой езды итальянцем Пиньятелли в XVII веке.

С тех пор, кажется, значительных рационализаторских предложений по части конской сбруи не поступало.

В ДНИ МИРА





ПОЧТА!

Мы привыкли видеть лошадь в поле. Еще недавно, до тракторов, пахали на ней, боронили, впрягали в жнейки, возили зерно и прочие сельскохозяйственные продукты и другую поклажу. Но в те времена, о которых идет речь, в сельском хозяйстве лошадь не использовали. Пахали на быках, ослах и верблюдах, на них же возили всякие тяжести. Лошадей разводили и берегли, главным образом, для войны. А в мирное время лошади выполняли не сельскохозяйственную, а другую работу: почтовую службу и перевозили пассажиров.

В Древней Греции, Индии, Египте и Риме (пока его владения не распространились за Аппенинский полуостров) почтовых лошадей не было. Всякого рода известия и письма разносили гонцы-скороходы. Первые почтовые лошади появились в Персии при царе Кире. Конные гонцы назывались у персов «ангары». Они были на содержании у правительства и развозили послания, имевшие государственное значение. Греческий историк Геродот рассказывает о почтовой дороге из Сард в Сузы, в зимнюю резиденцию персидского царя. Длиной она была 2500 километров. На ней 111 станций, где всадник-гонец передавал, как эстафету, свои донесения другому гонцу. Такая же дорога с переменными лошадьми и всадниками была из Суз в Вавилон и, надо полагать, в другие города Персидского царства.

Александр Македонский, когда покорил Персию, сохранил почтовые дороги и почтовых лошадей.

Этим же примером воспользовался римский император Август. Он учредил так называемый «курсус публикус» — «общественное движение».

Не каждый член римского общества мог пользоваться этой почтой, а только государственный чиновник. «Общественной» же она называлась потому, что все общины, через которые проходила почтовая дорога, должны были нести почтовую службу. При станциях, где меняли лошадей, были конюхи, ветеринары и солдаты, которые охраняли лошадей от воров и недругов. А лошадей на каждой станции было около сорока.

От латинского названия станций — «стацио позита» — произошло и слово «почта».

Спешные пакеты перевозились верховыми курьерами, путешественники ездили на легких повозках, громоздкие вещи везли в телегах. Даже отряды воинов с помощью «курсус публикус» перебрасывались на большие расстояния, если в том была неотложная необходимость.

Огромные пространства от Британии до Кавказа, от устья Рейна до Ливийской пустыни преодолевались в сравнительно короткие сроки.

Цезарь, пользуясь переменными лошадьми, взятыми в наем у частных лиц, проезжал за сутки по 160 километров. А император Тиберий на лошадях государственной почты («курсус публикус») одолевал в день вдвое большее расстояние.

Позднее в Азии у арабов тоже была хорошо поставленная почтовая служба. Но еще в более обширных масштабах — у татар. Марко Поло, венецианский путешественник, был в гостях у Кублай-хана, внука Чингисхана. Он рассказывает, что по всей огромной империи монголов протянулись почтовые дороги (собственно говоря, не дороги, а протоптанные пути). Через каждые 40 километров — переменные станции («ямы»), в распоряжении которых было 200—400 лошадей. А всего станций в империи — 10 000, при них 300 000 лошадей. Содержание почтовых станций государству ничего не стоило: о них должны были заботиться села и города, через которые проходили почтовые пути.

Если гонец вез особо важные донесения, ему выдавали «пайцзу» — золотую пластинку с изображением сокола, и тогда все встречные должны были оказывать ему всякую помощь, на станциях стояли заранее готовые к выезду кони: он издали еще извещал о скором своем прибытии — трубил в рог. Если лошадь его пала, он предъявлял свой «документ» и мог забрать коня у любого, кто встретится на пути.

Марко Поло пишет, что такой гонец проезжал в день 400 километров!

Чтобы сидеть прямо и не упасть, переутомившись в пути, ноги

и тело особых гонцов туго перебинтовывались. Лучшие гонцы очень ценились. Чтобы никуда они не могли уйти, не соблазнились бы иным каким-нибудь делом, их изуверски калечили: отрезали нос, уши, руку и обе коленные чашечки. Ни стоять, ни ходить изуродованный так человек не мог, «зато ездил как черт».

В средние века в Европе была так называемая почта «мясников». Цеха мясников, членам которых при закупках скота приходилось много разъезжать по разным провинциям и странам, обязались развозить почту, за это их освобождали от разных других повинностей. Очень хорошее почтовое сообщение было поставлено у церквей и монастырей: здесь переписку между прелатами разных стран развозили странствующие монахи.

Зарождение регулярной почты, похожей на нашу, произошло в конце средневековья. Франческо де Таксис, итальянский дворянин из Бергамо, предложил некоторым королям Европы наладить международную сеть почтовых сообщений и перевозку пассажиров за определенную плату.

Фамилия Таксисов на целые века — от начала XVI до XIX столетий — завладела монополией перевозки писем, груза и людей между странами, подписавшими с ними соответствующий договор. Дело у Таксисов сразу пошло на лад. За заслуги в образцово поставленной почтовой службе роду Таксисов было даровано в Германии специально для них учрежденное звание генерал-почтмейстеров (это в 1595 году), а в 1686-м семья Таксисов была причислена к княжеским родам Германской империи.

Таксисы очень активно и успешно защищали свою монополию на почтовые и пассажирские перевозки. Не только частные лица, но даже и государства должны были у них это право выкупать за немалые деньги. Как, например, сделала это Пруссия в 1867 году — за три миллиона талеров.

СКАЧКИ

Римский историк Светоний пишет: «Он выступал много раз и возницею, в Олимпии он правил даже упряжкой в десять лошадей... Правда, он здесь был выброшен из колесницы; его вновь туда посадили, но

продолжать скачку он уже не мог и сошел с арены; однако, несмотря на это, получил венок».

Вот так легко достаются лавры тиранам... Речь шла о Нероне, римском императоре.

С тех пор, как лошадь была приручена, скачки были всегда и у всех народов, имевших лошадей. Но нигде они не занимали столь почетного места в жизни и спорте, как у древних греков и римлян.

Начало Олимпийских игр таится во тьме минувших веков. Возможно, в IX веке до нашей эры появились они. Первое документальное о них упоминание — в 776 году до нашей эры.

Девяносто шесть лет спустя, в 680 году до нашей эры, в программу XXV Олимпийских игр уже входили скачки колесниц. Позднее, в 648 году до нашей эры (XXXIII Олимпийские игры), начались обычные скачки верховых всадников.

Когда наступало время Олимпийских, Пифийских, Палатинских и других игр, вся огромная Римская империя приходила в великое возбуждение. Даже в сенате разговоры о государственных делах уступали место горячим спорам: кто победит — красные или зеленые, пурпурные или желтые.

Квадриги, четырехконные колесницы, и одежды возниц конноспортивных клубов были разных традиционных цветов; сначала их было четыре: белый, зеленый, красный и синий. Император Домициан (I в. н. э.) прибавил еще два: желтый и пурпурный.

Император Каллигула «болел» за зеленых и так серьезно «болел», что даже ел и спал в конюшне...

«А вознице Евтиху,— пишет Светоний,— после какой-то пирушки дал в подарок два миллиона сестерциев».

Римский писатель Плиний Старший рассказывал про одного римлянина Цецина из Вольтера, большого любителя конских скачек. Когда отправлялся тот на ипподром, то «имел обыкновение брать с собой ласточек, пойманных под крышами домов своих друзей». Если его лошади получали призы, он красил птиц в цвет, под которым выступали его колесницы, отпускал ласточек на волю, «очень хорошо зная, что каждая вскоре вернется в свое гнездо».

Еще в более ранние времена, в Древней Греции, скачки были в большом почете. История сохранила нам имена многих победителей на

Олимпиадах. Среди них — царь Филипп, отец Александра Македонского, и Кимон из Афин, отец Мильтиада, знаменитого полководца, победителя при Марафоне. Лошади Кимона трижды подряд приходили первыми на Олимпийских играх. Их похоронили напротив фамильного склепа и поставили богатый памятник. Самому Кимону его победы принесли гибель: из зависти его убили сыновья афинского тирана Пейсистрата.

На одной из Олимпиад среди судей разгорелся горячий спор: присуждать первую премию или нет. Дело в том, что одна из лошадей по кличке Аура сбросила всадника перед самым стартом, без него проскакала всю дистанцию, обогнав всех лошадей, и спокойно остановилась перед судьями на финише. Первый приз ей был все-таки присужден (в наши дни ее бы дисквалифицировали), и на могиле, где похоронили ее, был поставлен памятник.

Затем, когда пала Римская империя, мы мало что знаем о скачках. Они, очевидно, были, но не в таких грандиозных масштабах, как в дни процветания Греции и Рима. Известно, что в средние века, в XIII веке, в Англии скачки были любимым народным развлечением. В Ньюмаркете, известном центре конного спорта и разведения чистокровных лошадей, регулярные скачки проводились с 1309 года. Традиционные скачки в Аскоте ведут свое начало с 1711 года. Знаменитая скачка «Дерби» (названа так по фамилии графа Дерби, одного из лучших коннозаводчиков) впервые проведена была в 1780 году в Эпсоме. На этих ипподромах проверялась резвость лучших в Англии лошадей, основателей самой быстроногой в мире верховой породы — английской чистокровной. На этих скачках брал призы непобедимый Эклипс. О нем немного расскажу я в следующей главе.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛОШАДИ

Буцефал — любимый конь Александра Македонского. «Буцефал» значит «Бычьеголовый». Так назван он был за широкий лоб. Отец Александра, Филипп, купил этого вороного коня за 13 талантов (примерно 340 кг серебра) у фассалийского коннозаводчика Филоникоса. Говорят, что прельстили его в этом коне два лишних недоразвитых пальца на передних ногах, как у далекого предка лошадей меригуппуса. Пальцы эти

на бегу не касались земли и были ненужным атавизмом. Но такие трехпалые лошади очень ценились в те времена.

После битвы с индийцами при Гидаспе в 326 году до нашей эры Буцефал умер от чрезмерного напряжения. На том месте, где погиб этот конь, Александр Македонский основал город, названный именем Буцефала (единственный в мире город, носящий имя определенной лошади).

Венецианский путешественник Марко Поло пишет, что он (в XIII веке!) слышал имя Буцефала от монголов, которые очень гордятся тем, что их лошади происходят от этого знаменитого коня. Конечно, трудно поверить, чтобы родословная лошади безукоризненно велась на протяжении полутора тысяч лет, но уже удивительно и то, что имя Буцефала не было забыто в дальних странах, куда в давние времена занесли коня боевые походы его героического всадника.

Также и в средневековой Европе долго помнили имя Буцефала. Миннизингеры и трубадуры слагали в его честь хвалебные песни. В них, в этих песнях, Буцефал прославлялся как идеал лошади, поэты тех дней наделяли его чертами, которых у него не было, а лишь богатое воображение рождало их.

Инцитатус («Быстроногий») — этот конь знаменит только тем, что по нелепой воле римского императора Каллигулы стал... сенатором. Получил бы и высший в империи чин — консула, если бы не убили его сумасбродного владельца.

«Своего коня Быстроногого он так оберегал от всякого беспокойства, что каждый раз накануне скачек посылал солдат наводить тишину по соседству; он не только сделал ему конюшню из мрамора и ясли из слоновой кости, не только дал пурпурные покрывала и жемчужные ожерелья, но даже отвел ему дворец с прислугой и утварью, куда от его имени приглашал и охотно принимал гостей; говорят, он даже собирался сделать его консулом» (Гай Светоний Транквилл).

Эклипс (правильнее по-английски Иклипс) — назван так, потому что родился в день «Иклипса» — солнечного затмения.

Двадцать три года выступал этот рыжий жеребец в разных скачках и ни разу не был побежден. Больше того, ни в одном из 26 важных состязаний, выигранных им, ни один конкурент не приходил близко за ним. В Англии тогда родилось выражение: «Эклипс первый, прочие нигде».

Эклипс происходит от Дарли, арабского жеребца, одного из основателей английской чистокровной породы. Но в его родословной не менее 15 неизвестных кобыл и несколько жеребцов сомнительного происхождения. И видом (экстерьером) он не показался бы нам красавцем: зад у него был слишком высок, а плечи тяжелые и длинные, когда скакал он, то морду почти до самой земли опускал, и жокеи не раз перелетали через его шею и голову — трудно было усидеть на лошади такого «перестроенного», как говорят зоотехники, сложения.

На аукционе Эклипс был куплен за 75 фунтов стерлингов. А когда он умер в 1789 году (в возрасте 25 лет), то один лишь его скелет продали за тысячу фунтов стерлингов. Вскрытие показало, что у него было невероятно большое сердце: 6,3 килограмма весило оно (тяжелее, чем у других исследованных в этом плане лошадей).

Как производитель Эклипс тоже был непревзойденным жеребцом: 344 победителя — его дети и внуки — принесли все вместе своим владельцам 158 000 фунтов стерлингов награды (а надо сказать, что призы тогда не были такими крупными, как сейчас).

Кинксем, чистокровная кобыла, одержала на скачках больше побед, чем Эклипс.

Владельцем ее был венгерский спортсмен. Впервые эта чистокровная кобыла выступила в 1876 году и победила. Затем четыре года подряд выигрывала во всех скачках, в которых стартовала. А их было 53!

В 1878 году привезли ее в Англию состязаться с лучшими скакунами мира. Она и здесь победила так же легко, как на ипподромах континентальной Европы.

Кинксем была менее удачливой производительницей по сравнению с Эклипс. Она принесла пять жеребят, из которых только одна кобыла выиграла пять скачек из тринадцати.

С той поры многие лошади прославили себя в скаковых состязаниях, но ни одна из них не одержала столько побед, как Эклипс и Кинксем. Однако нужно помнить, что в те времена, когда скакали Эклипс и Кинксем, учитывалась только победа. Вес жокея, возраст лошади, время прохождения дистанции не принимались в расчет. Поэтому трудно сравнивать достоинства скакунов тех дней с современными. Известный знаток лошадей Лендорф в 1914 году попытался исследовать условия скачек разных веков и пришел к выводу, что в истории этого спорта среди лучших скакунов мира Кинксем занимает лишь четвертое место.

Умный Ганс — любимец учителя математики Вильгельма фон Остен, у которого было хобби «коллекционировать» породистых лошадей. Умный Ганс, вороной жеребец орловской рысистой породы, прославил имя своего владельца изумительными способностями.

Все началось будто бы с того, что, как решил Вильгельм Остен, Ганс понимал человеческую речь. Когда хозяин читал ему грустные сказки, конь стоял понурый и опечаленный. Если сказка была с хорошим концом, то и Ганс приободрялся. Затем Остен обнаружил, что его удивительная лошадь умеет... считать. Он спрашивал ее, сколько будет, скажем, три плюс пять, и Ганс отвечал ему восемью ударами копытом по земле.

Он не только знал сложение и вычитание, но мог и умножать, делить, решать задачи с дробями.

Он научился даже читать! Остен обучил его этой науке, пользуясь азбукой Морзе. Каждой букве соответствовало определенное число ударов копытом, следовавших быстро друг за другом и через небольшие паузы. Остен показывал ему картинки с изображением лошади, дома, его яслей, и Ганс отстукивал ему в ответ то число ударов, сколько в азбуке Морзе соответствовало каждой букве в названии показанных ему предметов на картинке.

Больше того, он мог сказать (ударами копыта по земле), какой сегодня день месяца (когда показывали ему календарь), который час на часах, поставленных перед ним, какой ценности любая монета, поднесенная к его глазам.

Великолепные и небывалые познания своей лошади Вильгельм Остен не хранил в тайне, а напротив — афишировал. Молва об Умном Гансе привела к тому, что собралась комиссия экспертов — ветеринаров, цирковых дрессировщиков, кавалерийских офицеров, университетских профессоров и прочих знающих людей. Никакого обмана со стороны Остена они не обнаружили. Вторая комиссия пришла к выводам более скептическим. Один из ее членов, немецкий психолог Оскар Пфунгст, написал длинный отчет, в котором доказывал, что удивительные умения Умного Ганса ничего более, как только новый цирковой трюк, никакой ценности для науки не представляющий.

Какой, однако, интерес даже среди ученых на рубеже прошлого и нашего веков был проявлен к Умному Гансу, показывает книга психолога Мадайя «Имеются ли думающие животные?». В ней он приводит имена 91 ученого, которые так или иначе — в книгах и статьях —

высказывали свое мнение о способностях Умного Ганса. Тридцать три автора без сомнения поверили в них. Среди тех, кто сказал «да», были такие знаменитые ученые, как химик Вильгельм Оствальд и зоолог Эрнст Геккель. Четырнадцать верили и не верили. В общем, не заняли определенной позиции. Сорок четыре высказались против.

Эрнст Геккель писал: «Различие между умственными способностями Гете, Канта, Ламарка, Дарвина и им подобным и разумом первобытного человека много больше, чем между интеллектом этого последнего и «умных» млекопитающих животных».

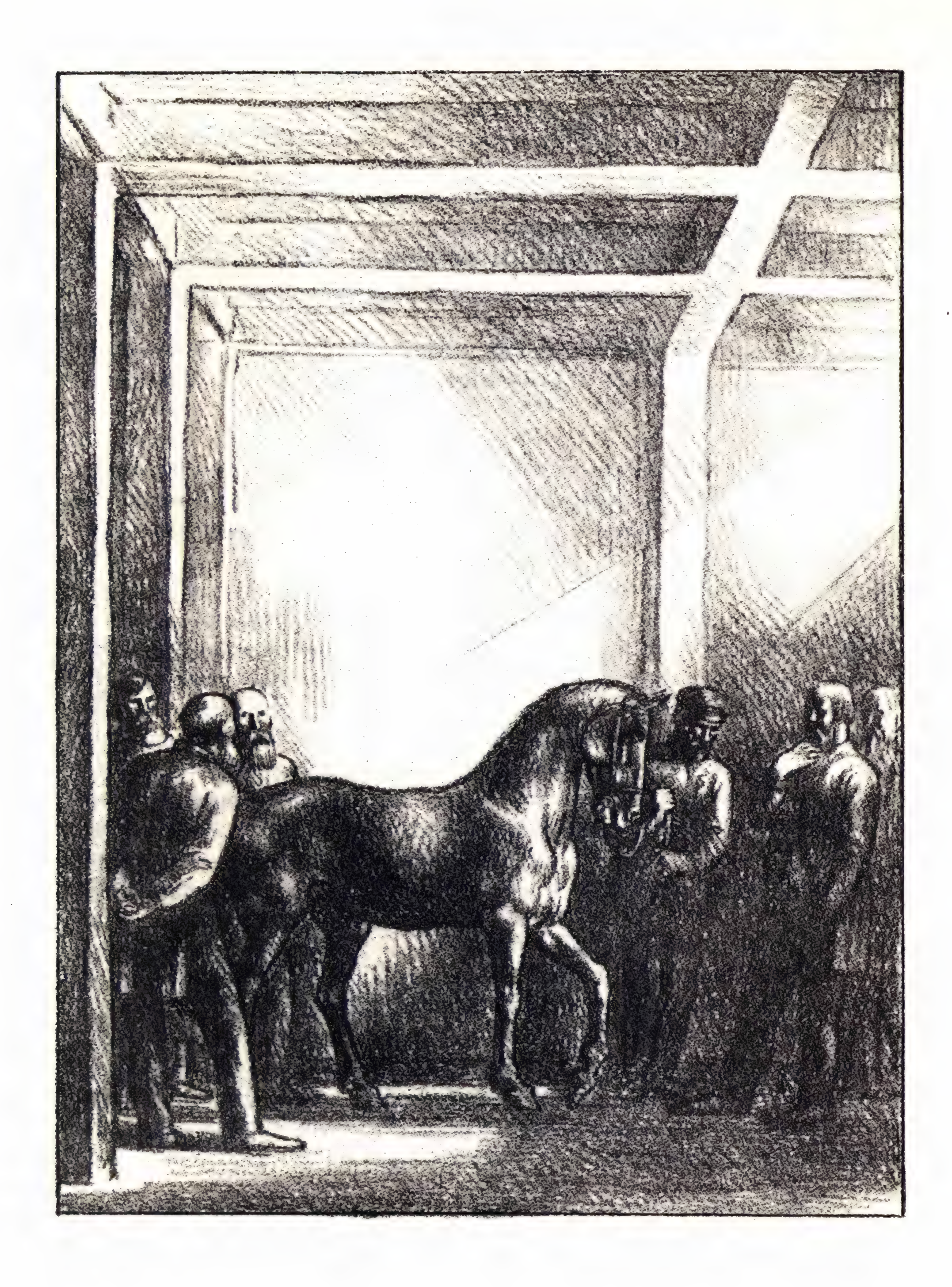
А тем временем некий ювелир Карл Кралл из Эльберфельдера обучил своих лошадей фокусам более сложным, чем Остен Умного Ганса. За несколько дней они усвоили весь курс арифметики, а через несколько месяцев научились... извлекать квадратные и кубические корни! Позднее — и более крупных степеней.

Лучше всех овладели этой наукой два арабских жеребца — Мухамед и Зариф. Мухамеда однажды спросили, сколько будет корень пятой степени из 147 008 443. Он сначала заупрямился, но после того, как его подстегнули хлыстом, четко отбил копытом 43 удара. Безукоризненный ответ!

Решением этой неожиданной для науки проблемы «умные лошади» основательно занялись профессор Штумпф, директор института психологии, и два его ассистента — Оскар Пфунгст и Е. Хорнборстель. Оскар Пфунгст изучил уникальные способности Умного Ганса и написал книгу о своих исследованиях. Вывод был такой: Умный Ганс замечал самые неприметные сигналы своего хозяина, означавшие, когда перестать стучать копытом. Это были очень легкие кивки головой, определенные движения рук и ног, даже затаенное на время дыхание его учителя.

Казалось бы, все просто: обычная дрессировка. Но дело осложняется здесь тем, что Ганс четко решал задачи и тогда, когда хозяина он видеть не мог (тот уходил за ширму).

Доктор О. Пфунгст установил, что Умный Ганс только тогда давал правильные ответы, когда спрашивающий знал их. Если верить в телепатию, то этот секрет решается простой передачей лошади мысли экспериментатора: сколько стучать. Без телепатии как спасительной формы объяснения загадки Умного Ганса остается лишь один вариант ее решения: настолько тонкий слух у лошади, что она слышала, как хозяин ее, стоящий за ширмой, в нужный момент затаивал дыхание. Иные



сигналы — кашель, щелканье пальцами, шарканье ногами и пр. — он подать ей не мог: за ним следили. Это в случае, если лошадь спрашивали голосом. Но как Остен мог знать, какая задача написана на доске или какую монету лошади показывали?

Опять телепатия?

Тут есть еще над чем поразмыслить...

В наши дни ученые в большинстве своем сошлись в том, что фокусы с лошадьми, якобы умеющими считать и писать, представляют собой лишь цирковые трюки, в которых для науки ценно лишь установление того факта — какой тончайшей наблюдательностью, исключительной памятью и невероятной способностью к дрессировке обладает лошадь.

Интерес к лошадям-математикам надолго угас. Но парабиологи, исследователи странных феноменов, которые в рамки современной науки не укладываются, вновь вернулись к уже забытой людьми истории Умного Ганса. Они полагают, что даже самой уникальной и всеобъемлющей дрессировкой нельзя объяснить всех трюков, показанных в свое время Гансом и его последователями. Они утверждают: дело здесь в психографии — таинственном еще явлении (или, возможно, мистификации), когда люди, совершенно незнакомые с проблемами, о которых пишут, тем не менее излагают эти проблемы с точностью большого знатока и исследователя. На книгах, написанных якобы этими людьми, вместо имени автора, значится — психографировано таким-то или такой-то (имярек). Будто бы и лошади-математики из потусторонних или иных неведомых нам сфер получали свои удивительные познания.

Поскольку наука всерьез не принимает парабиологию и ее поражающие воображение «теории» и «открытия», разговор о том, умеют ли считать лошади-вундеркинды, на сегодняшний день можно считать закрытым.

МАСТИ И АЛЛЮР

Прежде всего следующее замечание: белых и черных лошадей не бывает. Белые (если они не альбиносы) — это светло-серые лошади. А черных называют вороными. Так уж повелось среди знатоков и любителей лошадей.

Итак, масти. С вороной и начнем.

Вороная — черная: и туловище, и грива, и хвост.

Караковая — черная с подпалинами (вокруг губ, глаз, в пахах — волосы коричневые).

Рыжая — так и будет: вся рыжая.

Гнедая — рыжая, но хвост и грива черные.

Каурая — светло-рыжая с желтыми подпалинами (волосами желтоватого цвета на морде и в пахах), хвост и грива — беловато-рыжие.

Игреневая — редкая и красивая масть. Бывает светло-игреневая (темно-рыжая, но хвост и грива белые или дымчатые) и темно-игреневая (шоколадная, часто в яблоках, хвост и грива — белые или дымчатые).

Буланая — волосы на туловище желтые, иногда с красноватым оттенком, грива и хвост черные, часто темный ремень вдоль по хребту.

Соловая — желтая, тех же оттенков, что и буланая, но хвост и грива светлые.

Саврасая — сложная масть с массой оттенков. Наиболее частый ее вариант: туловище, как у буланой, нижняя часть туловища, по животу, и ноги окрашены светлее, почти белые, грива и хвост — черно-бурые. Темный ремень вдоль по хребту.

Серая — смесь белых волос с черными. Часто бывает серая в яблоках, реже — серая в гречке: по серому фону рассеяны мелкие, с гречневое зерно, черные или темно-коричневые пятна. Серая с красной гречкой называется форелевой.

В молодости серая масть темнее, чем в «пожилые» годы; с возрастом она светлеет и может стать совсем белой.

Мышастая — цвет волос на туловище пепельный, грива, хвост и ремень вдоль по хребту черные (масть тарпана!).

Мухортая — тоже мышастая, но с подпалинами — с желтовато-коричневыми волосами вокруг ноздрей, в пахах и в подмышках.

Чалая — по всему телу смесь белых волос с черными, рыжими, желтыми, и получается тогда: вороно-чалая, гнедо-чалая, булано-чалая и т. д.

Пегая — по фону любой какой-либо масти словно молоком растекаются большие, неправильной формы белые пятна (пежины). Масть — нелюбимая у коноводов. Арабы говорят: «Берегись пегого коня, он сродни

корове». Индейцы же, напротив, всем другим мастям предпочитают пегую. Пегие лошади в их религиозных церемониях участвуют издавна. Сейчас в Аргентине, Канаде и США особый спрос на пегих лошадей.

Чубарая — по белому фону разбросаны небольшие, правильно очерченные пятна черного, рыжего и других цветов.

Тигровая — пятна основной масти разбросаны по светлому фону мазками. Встречается эта масть чрезвычайно редко.

Бурая — «рубашка» (корпус) каштановая или цвета жженого кофе, грива и хвост темнее — с примесью черных волос.

Подласая — туловище красновато-коричневое, а на морде, в пахах и на животе шерсть белесоватая.

Теперь познакомимся с аллюром.

Аллюр — ход, побежка — лошади не менее разнообразен, чем масти ее. Об искусственных аллюрах, выработанных в школах высшей верховой езды — разных там пиаффе, курбетах и прочих,— я не буду и говорить. Но посмотрите, сколько у лошади естественных, врожденных аллюров:

«Побежка бывает: ступа, нога-по-ногу; шаг, равный шагу человека; хода, ступь, переступь, крупный шаг, шагистый, с нарысью зада; нарысь, грунца, рысца, хлынца, притруска или мелкая, малая рысь; грун, хлынь, рысь, побежка с выкидкою ног накрест; легкая, малая; большая, крупная, частая, машистая; разваль или плавь, плавная, нетряская рысь; иноходь, когда обе ноги одного бока выкидываются разом; проезд, мелкая иноходь, между иноходью и ходою. Перевал, перебой, в-три-ноги, ни рысь, ни иноходь, и со сбоем сподряд; тропот, цыганская, мелкий перебой, сбивчивая нарысь, от насильственной наездки, самая шибкая хода; наметь, курцгалоп, зайкичом, гопом, дыбки, обе передние ноги вздымаются почти разом, прыжком, но конь едва подвигается с места; меть, галоп, полная меть; тоже, но помашистее; скачь, вскачь, скоком, карьер, марш-марш *воен;* тоже, но без дыбков, а с растяжкою; слань, стелька, растяжка, во весь дух, во все лопатки. Езда траверсом, боком, бочком».

Это цитата из толкового словаря В. Даля.

Но основных аллюров три — шаг, рысь и галоп (не считая иноходи, когда лошадь выбрасывает вперед ноги, сначала одной стороны, скажем левой, потом другой — правой).

На шагу лошадь делает 110—130 шагов в минуту и проходит за это время 120 метров. На рыси — 120—180 шагов и пробегает

за минуту 225 метров. На галопе 110—140 прыжков в минуту, одолевая расстояние в 600—900 метров, а это равняется 36—54 километрам в час. Но на скачках лучшие лошади бегут много резвее. Например, чистокровная кобыла Рента в 1956 году на львовском ипподроме прошла дистанцию один километр за 58 секунд. Это значит, что каждую секунду оставляла она за хвостом 17,24 метра, а в час — 62 километра. Некоторые чистокровные лошади скачут еще резвее: Индиженус на Эпсомском ипподроме в Англии прошел километр за 53 секунды (почти 68 километров в час!).

Короткий галоп называется кэнтером, а самый резвый, полевой,— карьером или наметом.

РЕКОРДЫ

Упомянув Индиженуса, мы тем самым подошли к новой теме рассказа о лошадях — к рекордам силы и резвости.

На скачках, как мы уже знаем, лучшие лошади проходят километровую дистанцию со скоростью, близкой к 70 километрам в час. На бегах, рысистых испытаниях, самые резвые рысаки (американской породы) пробегают английскую милю (1609 метров) менее чем за две минуты. В 1969 году знаменитый наездник США Стенли Дансер ехал на побитие рекорда на жеребце Невель Прайде и прошел милю с резвостью 1.54[1], установив тем самым новый мировой рекорд. (Прежний был — 1.55, показал его в 1937 году Грейхаунд.) Среди рысаков-кобыл рекорд принадлежит Розалинд — 1.56.

У нас в СССР русские рысаки Жест, Павлин, Идеал, Властный показали резвость 1.58.

Рекорды орловских рысаков (таких как Улов, Пилот, Пион) приблизительно 2 минуты на английскую милю.

Вблизи от озера Ван, в пределах древнего государства Урарту, в стене церкви археологи нашли каменную стелу с клинописной надписью: «Могуществом бога Халди, Менуа, сын Ишпуини, говорит, с этого места конь, по имени Арциви, под Менуа, прыгнул на 22 локтя». А 22 локтя,

[1] То есть 1 минута 54 секунды.

пишет В. Б. Ковалевская в книге «Конь и всадник» — это 11 метров 22 сантиметра. Долго не верили, что лошадь способна прыгнуть так далеко. Мировой рекорд, говорит В. Б. Ковалевская, по прыжкам в длину — 8,4 метра, а Советского Союза — 8,2 метра. Впрочем, есть и другие данные: в 1950 году в Ашхабаде ахалтекинский жеребец Перепел прыгнул в длину на 8 метров 72 сантиметра.

«Если бы нам приходилось располагать только этими данными, можно было бы, наверное, упрекнуть царя Менуа в сильном преувеличении. Однако хорошим подтверждением возможности такого рекорда служит тот факт, что во время стипль-чеза при прыжке через канаву венгра Чандлера было зафиксировано расстояние 11 метров 28 сантиметров от начала толчка до приземления.

Летом 1975 года был установлен новый рекорд, когда был разыгран Большой приз Майзенлайма для лучших всадников Европы. Победу одержал К. Бергманн из ФРГ на Свингере, прыгнувшем через жердевой заборчик и канаву... на 22 метра 16 сантиметров. Именно ему был присужден Большой приз» (В. Б. Ковалевская).

Совершенно невероятный прыжок — 22 метра 16 сантиметров! Даже не верится, но приходится верить...

Рекордный прыжок в высоту был установлен Ларрагибелем в 1949 году в Чили на пятнадцатилетнем чистокровном Хуазо — 2 метра 47 сантиметров.

Пробегов на дальние расстояния было много. Трудно сказать, который из них рекордный, потому что условия их были разные. Например, в США в одном из розыгрышей кубка Тэвиса (стомильный пробег по пересеченной местности) победил полукровный арабский жеребец Панчо: он прошел дистанцию 160 километров за 12 часов 16 минут...

В Австралии, в окрестностях Сиднея, по сильно пересеченной местности был проведен стомильный пробег для лошадей разных пород. Победил арабский жеребец Шалави. (Ехал на нем — без седла! — профессор Мельнбургского университета Г. Стрешер). Он установил новый мировой рекорд (на 1968 год): прошел 160 километров за 11 часов 24 минуты...

Английский иппоnoг (ученый, изучающий лошадей) Фразер на арабском жеребце проехал 2650 километров за 18 дней...

«Английский писатель Уильям Холт недавно совершил путешествие верхом на коне в 14 000 километров. Писатель так любит своего коня

Триггера, что даже ночевал вместе с ним в конюшнях, рядом на соломе» («Коневодство и конный спорт», 1974, № 2).

Конный пробег туркменских колхозников Ашхабад — Москва (4300 км) был завершен за 84 дня. 350 километров по безводной Каракумской пустыне прошли они за три дня...

В начале нашего века немец Эрих фон Зальцман проехал на маньчжурском пони... 6000 километров за 176 дней (по 35 км в день). Путь был нелегкий: пустыни Туркмении и Гоби, Алтайские горы. Температура днем поднималась до 50 градусов, ночью падала до нуля и ниже.

За сутки верховые лошади проходят немногим больше 300 километров. А сколько может пройти человек? В 1954 году У. Хейвард из Южной Африки пробежал за сутки с небольшими остановками 256 километров! Его рекорд близок к тому, на что способна лошадь, и более чем в шесть раз превышает классическую марафонскую дистанцию (42 км 195 м). Раз уж мы заговорили о людях, то из любопытства упомянем и другой невероятный рекорд: Дж. Бидс, сорокалетний англичанин, пробежал без остановок за 22 часа 27 минут 195,1 километра!

Самый большой груз, который одолел человек, — 606 килограммов. Его передвинул на шесть метров англичанин Джерри Уорд в 1972 году. Вот тут уже, в передвижении тяжестей, лошадь намного обогнала человека. Не килограммами, а тоннами исчисляются ее достижения. И многими тоннами. Рекорд — 22 тонны 991 килограмм! Его показал в 1951 году советский тяжеловоз Форс. По гладкой дороге на телеге с колесами на подшипниках и с пневматическими шинами провез он без малого 23 тонны на расстояние 35 метров. Но здесь необходимо сказать, что любая самая сильная лошадь сдвинуть сразу всю такую тяжесть с места не может. Когда лошадь уже тронулась, увозя в телеге основную массу груза, к нему на ходу прибавляют понемногу мешки с песком, пока лошадь не встанет, не в силах двигаться дальше.

Вьючная лошадь может нести на спине поклажу, равную половине ее веса (на равнинах, в горах — только 40%). Опять-таки сравним с человеком: для него предельная нагрузка — 125% собственного веса (для насекомых это мизер — пчела, например, уносит с цветка в улей груз, в 24 раза превышающий ее вес, а муравей — в 52 раза). Самой большой лошадью мира считается тяжеловоз породы брабансон по кличке Бруклин Сюпрем. Его рост в холке — 198 сантиметров! Обхват груди — 310 сантиметров. Вес — 1374 килограмма!

А самые маленькие лошади? Пони?

В Англии пони называют всех лошадей ростом не больше 125 сантиметров, в Германии — всех лошадей ниже 120 сантиметров. Шотландские пони, древнейшая порода, которую разводят на Шотландских и Оркнейских островах, ростом 75—109 сантиметров. Но и они не самые маленькие лошади.

В Аргентине на ферме недалеко от Буэнос-Айреса Юлио Цезаре Фалабела давно уже разводит крошечных лошадок — весом они не больше 25 килограммов, а рост их в плечах 40 сантиметров! Они удивительно выносливы: после многочасового бега галопом им достаточно всего нескольких минут, чтобы отдохнуть и набраться сил для новой скачки. Живут они очень долго — до 40 лет. Руководители «Дисней-Лэнда» — «Игрушечной сказочной страны» для детей в США, где все крошечное и в разных аттракционах «оживают» герои и события известных сказок,— купили у сеньора Фалабела много его лошадок-лилипутов: в «сказочной стране» на них будут кататься дети. Однако право на обладание самой маленькой лошадью у сеньора Фалабела оспаривает фермер из Филадельфии: он вырастил жеребенка ростом в 35 сантиметров и весом чуть больше 6 килограммов. Он утверждает, что этот жеребенок и взрослый не будет весить больше девяти килограммов.

И наконец, последний рекорд: какая лошадь дольше всех прожила на свете? Старина Билли. Он умер в возрасте 62 лет (годы его жизни 1822—1884). Обычно лошади живут в среднем до 30—40 лет.

ЛОШАДИ В АНТАРКТИДЕ, ПТИЦА-ТРОЙКА И ФУТБОЛ

В 1908 году китобойный корабль «Нимрод» покинул Новую Зеландию и направился к берегам Антарктиды. На нем плыл британский полярный исследователь Эрнест Шеклтон. Он рассчитывал достичь Южного полюса с помощью не собак, как обычно до него практиковалось в полярных путешествиях, а десяти маньчжурских пони. Для их пропитания он вез 20 тонн кукурузы, 10 тонн прессованной соломы, овса и отрубей и полтонны тоже прессованного сухого мяса, моркови, молока и изюма.

Неполадки начались с самого начала. Корабль попал в сильный шторм и в трюме набралось столько воды, что она подступала почти под самый живот маленьким лошадкам, которым предстояла небывалая в истории и трудная задача преодолеть снежные просторы Антарктиды. С одним пони дела были совсем плохи: он лежал и не мог подняться, пришлось его застрелить.

Наконец, корабль вошел в море Росса. В проливе Мак-Мердо Шеклтон зазимовал. Антарктической весной (в октябре) странный для тех мест караван тронулся в путь. Перед тем несколько дней не давали необходимую животным соль, они ели песок, и некоторые из них погибли. Оставшиеся в живых пони вначале хорошо продвигались вперед. На санях, которые они тянули, было 300 килограммов поклажи. В день проходили 25 километров, Погода была вьюжная и холодная: иногда до 50 градусов мороза. Пони вязли в снегу по брюхо. Один провалился в снежную яму, его едва вытащили веревками. Словом, непреодолимая задача стояла перед лошадьми, они гибли одна за другой. Их мясом исследователи кормились, а в сани впрягались сами. Последний пони провалился в глубокую ледяную расщелину.

Впереди, уже недалеко от Южного полюса, предстояло подняться на высокое плато, Шеклтон и три его товарища едва тащили вперед нарты. Кругом расстилалось снежное однообразие, которое нарушали лишь ледяные горы. Исследователи не дошли до полюса 180 километров и повернули обратно: кончились припасы и сильные снежные бури сделали совсем невозможным продвижение вперед. Четверо измученных людей благополучно вернулись назад. Они преодолели (с пони и без них) 2750 километров пути по холодной снежной пустыне.

Судьбы человека и лошади переплелись так прочно: везде — в труде и на войне — обращался человек за помощью к лошади. Порой в ситуациях, казалось бы совершенно для лошади необычных и невыполнимых. Мы видим, например, лошадей даже в Антарктиде. Мне вспоминается и другой пример, правда, по расстоянию и назначению весьма далекий от первого.

«Птица-тройка», олицетворение Гоголем нашей родины — окрыленные лошади — действительно у нас однажды обрела крылья. Мало кому известен тот интересный факт, что первый самолет-змей Можайского (на который он получил патент в 1881 году) разгоняла перед началом его взлета... лихая тройка лошадей. Когда самолет обретал нужный ему дви-

гательный импульс, постромки, соединявшие его и лошадей, обрезали, и изобретенная человеком первая «птица» поднималась в небо вместе со своим отважным конструктором и пилотом.

Лошади даже к футболу имеют отношение — так утверждают жители небольшого английского городка Ашборна. Согласно их легенде, в 50 году до нашей эры на месте Ашборна стояла римская крепость. Центурион ее гарнизона отрубил одному пленному бритту голову и бросил ее со стены собравшимся у крепости бриттам. Возмущенные бритты кинули ее обратно в крепость, римляне — опять к ним. Так и пошло...

Поскольку бритты были конные, и из крепости к ним выехал отряд конных римлян (чтобы принять участие в этой жестокой игре, а не в сражении) и уже на лошадях гоняли они мечами мертвую голову, стараясь забросить ее подальше к противнику, то здесь очевидно участие лошади в первом футбольном матче.

В память об этом, возможно, бывшем или небывшем событии жители Ашборна и окрестных поселков каждый год играют в выдуманный ими футбол, в котором дозволены любые приемы.

Репортер Ноэль Хьюз, побывавший на таком «футболе», пишет:

«В игре участвуют сотни неробких мужчин, «полем» служат улицы города вместе с прудами, сточными канавами и местной рекой, а «воротами», удаленными друг от друга на три километра,— старое мельничное колесо и трехметровый валун. «Матч» длится два дня непрерывно по восемь часов. Разбитые стекла магазинных витрин, поваленные заборы, а заодно и синяки, сломанные руки и ноги, свернутые скулы участники схватки пересчитывают уже после».

А ЦЕНЫ РАСТУТ...

В 1900 году на распродаже лошадей герцога Вестминстерского один из лучших скакунов мира Флайинг Фокс был продан за 400 000 рублей. Да говорят еще, что это была «едва ли не наивысшая цена, заплаченная за лошадь». В наши дни цены на лучших жеребцов-производителей доходят до 20 миллионов долларов. За Анилина, самого резвого скакуна в истории русского коннозаводства, одна западногерманская фирма предлагала 250 000 долларов.

Цены на спортивных и просто прогулочных лошадей значительно ниже, чем на классных победителей скачек и бегов. Ежегодно в нашей стране проводятся аукционы, на которых представители разных зарубежных фирм и просто любители покупают лошадей, выращенных на наших конных заводах и племенных фермах совхозов и колхозов. Например, на аукционе, проведенном в 1975 году в Ростовской области, за три с половиной часа было продано 100 лошадей тракенской, буденновской и донской пород. Средняя на них цена — от 1000 до 4000 долларов, а один жеребец по кличке Харлей куплен итальянской фирмой «Сио» за 9000 долларов. На IV Московском аукционе в 1968 году лучшие годовики проданы по 5000 и больше долларов.

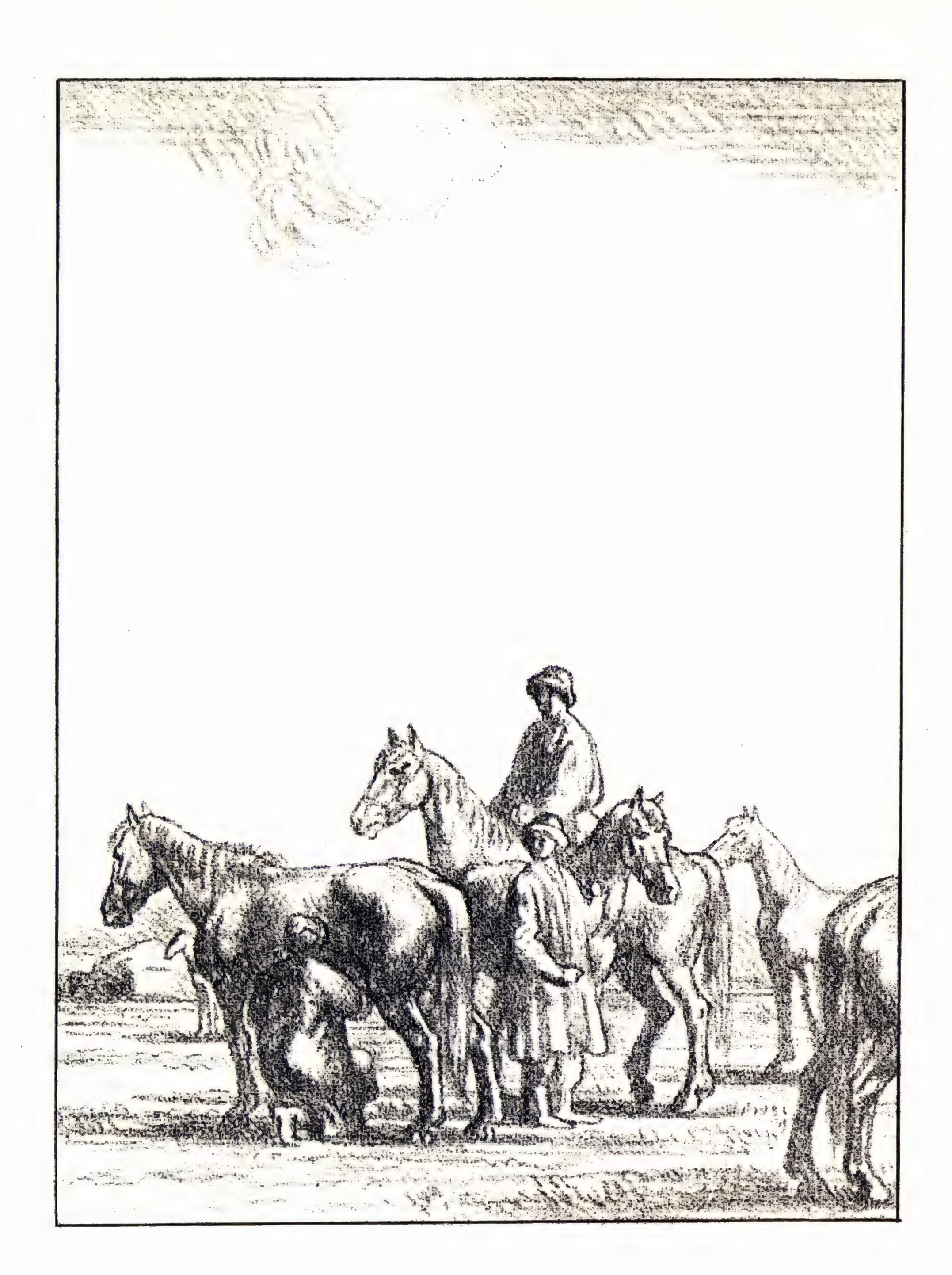
С 1962 по 1970 год на наших аукционах продано 2585 племенных и спортивных лошадей в двадцать стран мира. В Англию, например, — 841 лошадь, в Финляндию — 471, в ФРГ — 321, во Францию — 159. А за годы с 1954-го по 1968-й экспортировано было из СССР больше 4000 племенных и спортивных коней и несколько сотен тысяч лошадей для забоя на мясо.

ЧЕМ МЫ ЕЩЕ ОБЯЗАНЫ ЛОШАДИ?

Кумыс, любимый напиток скифов и татар, долгое время не обращал на себя внимание европейцев. В середине прошлого века медицина открыла в этом напитке лекарственные свойства: полезен при туберкулезе, анемии, болезнях желудка и кишечника.

Кумыс — это сквашенное молоко кобыл. В нем — 1,6—2,5% белка, столько же жира, 6—7,2% сахара и 1—3% алкоголя. Кроме того, много витаминов, есть и антибиотики, которые образуются из дрожжей, размножающихся при сквашивании кобыльего молока.

В СССР — несколько десятков кумысолечебниц, производящих 20—26 тыс. тонн кумыса в год. От кобыл разных пород получают от каждой 10—15 литров молока в день (это не считая того, что высосет жеребенок). У коровы большое вымя, в котором к моменту доения накапливается много молока (примерно 8 литров). У кобылы вымя маленькое, молока оно вмещает немного, поэтому доят кобыл не два раза в день, как коров, а восемь — десять раз: через каждые 2—2,5 часа.



Мореплаватели минувших веков весьма обязаны лошади: они кормились в основном солониной не из говяжьего, не свиного, а лошадиного мяса. И в наши дни около миллиона лошадей забивают на мясо. Оно сладковато на вкус, но более ценное по пищевым качествам, чем у других сельскохозяйственных животных.

Когда изобретены были лечебные сыворотки, ученые избрали лошадей в свои помощники, и те стали неизменно присутствующими «сотрудниками» бактериологических институтов. В любом таком институте всегда есть загон для лошадей. Вороные, гнедые, рыжие — мирно живут они, окруженные забором. А в это время в теле каждой из них совершаются таинственные процессы. Лошадь сначала иммунизируют: вводят в ее кровь нужную дозу микробных ядов. Лошадь заболевает. И тут ее внутренние физиологические силы мобилизуют все свои возможности на борьбу с инородным вторжением. В тканях лошади вырабатываются особые вещества — противоядия яду микробов. Их называют антителами. Теперь уже кровь больной лошади целебна: в ней много крохотных бойцов против микробов — защитных антител. Если взять эту кровь (обычно берут сыворотку — кровяную жидкость без эритроцитов, лейкоцитов и прочих кровяных телец) и влить ее больному человеку, то антитела начнут уничтожать микробов, и человек, обретя столь мощных союзников, поправляется.

Такого же типа лечебная сыворотка помогает укушенным змеями людям выжить. Бутантан, основанный в 1899 году, а ныне один из крупнейших в мире серологический институт (расположен вблизи бразильского города Сан-Паулу), за 70 лет «надоил» яд у 750 тысяч ядовитых змей и у десятков тысяч пауков. В его загонах побывали тысячи лошадей, в организме которых этот яд перерабатывался в лечебные сыворотки. Их разливают по ампулам и рассылают по всей стране и за ее пределы (около миллиона ампул уже экспортировано).

МУСТАНГИ, ЦИМАРРОНЫ И БРАМБИ

В 1539 году Эрнандо де Сото высадился на западном берегу Флориды с 900 солдатами и 350 лошадьми. Этот поход к Миссисипи и дальше на запад тяжелым был для испанцев. В боях с индейцами, от голода

и холода, от болезней погибло много солдат и лошадей. Вернулось из этого похода менее трехсот испанцев, а 70 уцелевших лошадей испанцы, когда плыли обратно на Кубу, очевидно, не взяли с собой.

От этих семидесяти лошадей, как повествует местное предание, и произошли знаменитые мустанги. Но надо полагать, что лошади и других последовавших позднее за де Сото испанцев, по той или иной причине отставшие от людей или покинутые ими, одичали и стали предками мустангов. Сколько писателей они вдохновляли на сочинение прекрасных произведений! Кто не читал хотя бы рассказ Сеттона-Томпсона «Мустанг-иноходец»?..

Еще в 1925 году мустангов было так много в Северной Америке, что некоторые предполагали: их здесь миллион голов! Но это, очевидно, преувеличение.

В наши дни мустанги живут на воле в пустынных уголках западных штатов Невада, Монтана, Вайоминг, Калифорния, Аризона, Юта. Их сохранилось здесь примерно семнадцать тысяч.

В последние годы на мустангов стали охотиться, преследуя их на автомобилях. Ради мяса, которое шло на изготовление консервов для кошек и собак. За фунт мяса консервные заводы платили охотникам всего 6 центов. Общественность США, возмущенная варварским избиением мустангов, обратилась в конгресс. И тот издал постановление: все мустанги, даже обитающие на частных землях, были взяты под охрану государства. За одного убитого мустанга взымался штраф 2 тысячи долларов, а нарушитель закона заключался в тюрьму. Но все равно браконьеры продолжают уничтожать мустангов.

Индейцы, обитавшие в области Гранд-Ривер, от диких мустангов вывели породу исключительно крепких и выносливых лошадей. Но небольших — рост в холке 130—140 сантиметров. От индейских «пони», как называют этих лошадей, произошла позднее ковбойская «четвертьмильная» лошадь. Названа она так странно потому, что на небольшом расстоянии — в четверть мили (400 м) — способна развивать исключительную для лошадей скорость — 70 километров в час. Чтобы быстро собрать разбегающееся стадо, ковбою больше чем 400 метров скачки обычно не требуется. На этих лошадей большой спрос в Южной и Центральной Америке и даже в Австралии.

В то же примерно время, что и де Сото, испанец дон Педро

де Мендоса основал поселение в Южной Америке, из которого позднее вырос город Буэнос-Айрос.

Окруженные плотным кольцом индейцев, испанцы вынуждены были покинуть укрепленный форт. В поспешном бегстве они оставили на берегу примерно полдюжины лошадей. Те одичали. Когда через сорок лет, в 1580 году, испанцы вернулись вновь в эти края, они встретили здесь табуны лошадей. На земле было так много их помета, что «возвышались из него настоящие горы», как не без преувеличения, конечно, пишет испанский исследователь Азара. Он же и назвал этих лошадей цимарронами. Еще в прошлом веке немалые их табуны паслись в пампасах Аргентины и льяносах Венесуэлы и Колумбии. Сейчас они, очевидно, уже все исчезли.

В 1788 году губернатор Австралии Артур Филипп привез в Порт-Джексон, свою резиденцию вблизи Сиднея, кур, уток, гусей, индюков, свиней, овец, коз, коров и одного жеребца и три кобылы. Получилось так, что эти лошади одичали. Долгое время поселенцы Австралии их не встречали, а потом, примерно во второй половине прошлого века, большие табуны коней точно с неба свалились на равнины этой страны, и все они были, как полагают, потомками четырех однажды привезенных сюда еще А. Филиппом лошадей. Крестьяне и скотоводы ежегодно ловили и приручали до 50 тысяч этих брамби, как тут называют австралийских мустангов. Сейчас их табуны сильно поредели, так как кормиться им стало нечем: кролики съедают всю зелень в свободных от пашни и скотоводства краях Австралии, где обитают одичавшие лошади.

«Ковбойский юг Франции» — так называют Камарг, остров и прилегающие к нему области дельты Роны. «Один из самых странных, уединенных оригинальных районов Франции» — говорится об этом крае в путеводителях.

«Я видел, как дикие черные быки и знаменитые белые лошади Камарга паслись на сочных лугах, заросших «солью бабьей» — болотистым растением, покрывающим эту огромную сырую равнину» (Уильям Давенпорт).

Эти «знаменитые белые лошади» снимались во многих фильмах. В их жилах течет кровь и арабских скакунов. Они не белые, ибо такой масти, как я уже говорил, у лошадей не бывает (кроме как у альбиносов). Лошади Камарга — светло-серые, почти белые, жеребята же у них родятся более темными. От истребления прежде охраняли их традиции

местных старожилов, сейчас же — закон. В местах, ими обитаемых, учрежден ботанический и зоологический заповедник.

Одичавшие лошади живут еще в некоторых уединенных уголках Германии, на острове Пасхи в Тихом океане, а у нас недавно появились в Крыму. А на Курильских островах (Шикотан, Шиашкотан, Харимкотан) живут давно: с 1945 года, когда японские войска, поспешно отступая с островов, оставили здесь своих лошадей, которые одичали. Они очень пугливы, не подпускают человека на выстрел.

Одичавшие лошади, несмотря на то, что очень быстро возвращаются к повадкам своих вольных предков, необходимых, чтобы выжить, сильно отличаются от настоящих диких лошадей. Они длинногривы, длиннохвосты, с челкой, ниспадающей на глаза,— имеют как бы немного запущенный вид. А истинные дикари как будто своего степного парикмахера держат: челки, гривы, хвосты у них как подстрижены. И конечно, в цвете «одежды» есть разница. Лошади Пржевальского буланой масти, а тарпаны были только мышастой. Природа — селекционер строгий, ее звери носят лишь свойственные их виду окраски. Лошади же, побывавшие под властью человека, а потом одичавшие, как бы отражают его прихотливый вкус: бывают светло-серыми, рыжими, гнедыми, пегими и всякими другими.

КОННОСПОРТИВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

Их в основном три вида: выездка, конкур и троеборье. Выездка, или высшая школа верховой езды,— классический вид конного спорта. Много искусства и многолетнего труда требует он от всадника и тренера. Конь и всадник гармонично слиты воедино. Все упражнения лошадь исполняет легко и — так кажется — без всякого принуждения. А упражнения эти сложные, высшие из них — перемена ног на галопе, пируэт, пассаж и пиаффе. Словами описать невозможно, что они представляют собой. Это надо видеть, и вы, наверное, видели по телевизору, когда показывали конные состязания на Олимпийских играх.

Конкур-иппик, или обычно называемый просто конкур,— преодоление препятствий, высота которых на современных конкурах бывает 1,6—2 метра.

Конкур высшего класса — преодоление 18 препятствий; высота некоторых из них — 1,7 метра, ширина — 3 метра, а ширина канавы — 5 метров. Скакать через них нужно по определенному маршруту. Победитель тот, кто получил наименьшее число штрафных очков. А штраф такой: за отказ лошади от прыжка первый раз — 3 очка, второй раз — 6 очков, третий раз — всадник и лошадь снимаются с состязаний. За разрушение препятствия или попадание ногами в канаву — 4 очка. За падение — 8 очков. Если некоторые всадники набрали равное наименьшее число очков, назначается перепрыжка с повышением препятствий.

Бывает конкур без определенного маршрута: у всадника есть право выбора препятствий. Чем труднее они, тем больше баллов получает спортсмен.

Троеборье проводится в течение трех дней на одной и той же лошади. В программе — три вида конных состязаний: манежная езда (чередование аллюров, вольты, остановки и пр.), во второй день — полевые испытания по пересеченной местности, в третий день — конкур.

Полевые испытания делятся на 4 отрезка, в каждом из которых выполняется особая программа. Так, I и III отрезки — движения по дорогам (10—20 км).

Второй отрезок — стипль-чез. А это преодоление препятствий на пересеченной местности с маршрутом длиной в 1800—4200 метров и с тремя препятствиями на каждом километре пути. Высота препятствий — 1,4 метра, ширина — 2 метра.

Четвертый отрезок — кросс по пересеченной местности протяженностью в 4500—8100 метров с четырьмя препятствиями на каждом километре, высота которых до 1,2 метра.

Упомяну еще о двух традиционных и очень трудных состязаниях: Пардубецком в Чехословакии (основан в 1874 году) и Большом Национальном стипль-чезе в Ливерпуле (существует с 1890 года). Это скачки с препятствиями по пересеченной местности (6,9 километра в Пардубецком и около 7,2 километра в Ливерпульском). Препятствия очень не легкие, в Пардубецком стипль-чезе их примерно 30 и на два больше в Ливерпульском. Стартуют в этих состязаниях десятки всадников, к финишу приходят единицы, прочие добираются позднее, не одолевшие по всем правилам маршрута, либо сходят с дистанции с травмами у лошадей и у всадников.

ПОРОДЫ

В мире зарегистрировано более 200 пород лошадей, из них 58—в СССР. Мы познакомимся лишь с некоторыми из них.

Сначала небольшое уточнение: чистопородной можно назвать лошадь любой породы, если она действительно чистопородная (без примеси инопородной крови). Но чистокровными лошадьми у коннозаводчиков и специалистов принято именовать только две породы: арабскую и английскую верховую. Именно потому, что любая порода повышает свои определенные качества от прилития крови арабской и английской верховых пород. Сами же чистокровные лошади от скрещивания с любой другой породой теряют многое в резвости и экстерьере (и в интерьере и в других своих свойствах).

Арабская чистокровная лошадь. Ее кровь течет в жилах почти всех лучших скакунов и рысаков мира. Порода эта не такая древняя, как порой про нее говорят. До того, как Мохаммед умер в 632 году в доме своей любимой жены Аиши и ислам двинулся в наступление на цветущие страны соседей, у арабов таких превосходных лошадей не было. Но к концу VII века был уже начат отбор в основном из захваченных персидских и среднеазиатских лошадей и выведение особой породы.

Оазисы и пустыни Аравийского полуострова были ее родиной. Лучших лошадей содержали в дни мира в дворцовых конюшнях. Уход за ними был там самый заботливый. Их поили верблюжьим молоком, кормили отборным зерном и люцерной, купали в чистых источниках. Но как только начиналась война (а войны часто следовали одна за другой), эти же, казалось бы, изнеженные лошади отправлялись в поход и переносили все его тяжести и невзгоды. Так образовалась удивительная порода лошадей, очень выносливая и неприхотливая и в то же время великолепная по формам, грациозная и красивая, особенно в движениях (горящие страстным огнем глаза, трепетные ноздри широко раскрыты и жадно ловят воздух, голова на лебединой шее поднята высоко, и шелковистый хвост струится по ветру — словами не описать красоту арабской лошади).

Лучших жеребцов вывозить из стран ислама было трудно: запрещал закон. Но и те, которые попали в руки европейских коннозаводчиков,

сыграли большую роль в улучшении местных лошадей и выведении новых пород. В 1774 году граф А. Г. Орлов приобрел для своего завода 9 арабских кобыл и 30 жеребцов; среди них был знаменитый Сметанка, основатель орловской рысистой породы.

В годы революции и гражданской войны многие племенные арабские лошади России погибли или смешались с другими породами.

Только в тридцатых годах началось в нашей стране восстановление племенного фонда арабской чистокровной породы: жеребцов и кобыл стали закупать в Англии, Франции, Германии и Польше. В 1958 году нам был подарен президентом ОАР жеребец Нил, а через десять лет в этой же стране закуплена была группа кобыл. Почти все племенные арабские лошади находятся сейчас в Терском конном заводе, «который стал,— как пишут советские иппологи (специалисты по лошадям) профессор Ю. Н. Барминцев, А. Б. Фомин и И. И. Сорокина,— обладателем богатейшей коллекции арабских лошадей и крупным поставщиком племенных производителей для отечественного и зарубежного коннозаводства».

В породе арабских лошадей различают несколько типов.

Сиглави — по формам (экстерьеру) идеальная арабская лошадь. Но невелика ростом, часто беднокостная и легкая.

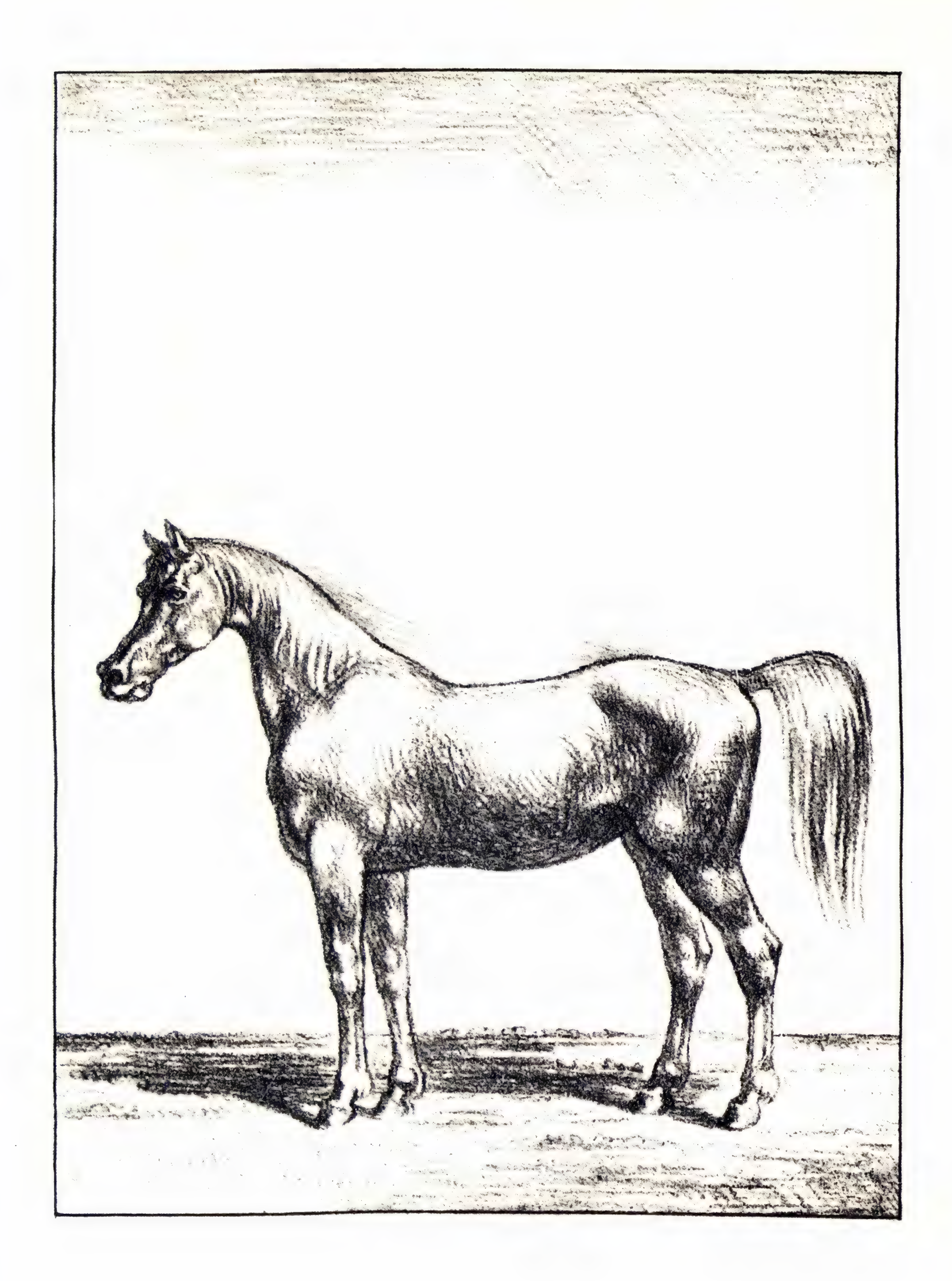
Кохейлан — ростом выше и сильнее, чем сиглави, но менее красив.

Хадбан — экстерьером хуже предыдущих двух типов, но крепок и резвее в скачках.

Масть у арабской лошади обычно светло-серая, почти белая (наиболее часто она встречается у сиглави). Среди кохейланов обычны гнедые, а у хадбанов — рыжие. Редко, но бывают и вороные арабские лошади, «других мастей практически нет».

Английская чистокровная — самая резвая в мире верховая лошадь.

...Шел год 1683. Жаркое лето. С крепостных стен Вены виден был необозримый лагерь турок. Кара Мустафа, великий визирь султана Солимана, хотел взять штурмом Вену и таким образом «прорубить окно» в Европу. Но подоспевшее войско герцога Карла Лотарингского в кровопролитной битве победило турок и освободило осажденную Вену. В турецком лагере один голландский рыцарь захватил богатую добычу: кроме мешков с кофе, арабского жеребца благородных кровей. Он продал его, вернувшись на родину, за сто золотых гульденов английскому капитану по фамилии Беверли. Тот привез коня в Англию и во многих



скачках опробовал резвость скакуна, названного именем владельца Беьерли. Так этот жеребец стал основателем одной из линий чистокровной лошади, а именно — линии Хэрода.

...Алеппо, год 1706-й. Английский консул Дарли, живший в этом сирийском городе, купил арабского жеребца и отправил его на родину, в Йоркшир, своему брату. Дарли — так назвали этого жеребца — успешно выступал в скачках и оставил высокого класса потомство, среди которого был непобедимый Эклипс.

Теперь мы в Тунисе. Приблизительно 1760 год. Там во владение французского короля попал один «дикий» арабский жеребец. Он не подпускал к себе никого из наездников, не давал положить на себя седло, даже чистить себя не позволял. Этот буйный конь долго простоял без дела на дворцовой конюшне в Париже. Потом продали его какому-то маркизу, тот перепродал его барону, а барон — банкиру. Так менял он хозяев и, наконец, попал в руки извозчику. Голод и холод укротили его, он стал неприглядной на вид, грязной клячей и покорно возил старую колымагу по мостовым Парижа. Однажды богатая карета остановилась у повозки извозчика, в которую был впряжен похудевший, костлявый этот жеребец, и вышел из кареты молодой господин. Он обошел несколько раз вокруг плохо кормленного, грязного коня, рассмотрел его внимательно и после недолгих разговоров о цене купил жеребца у извозчика. Так попал он в Англию в великолепную конюшню лорда Годольфина. Там его вымыли, откормили и вывели однажды на зеленую лужайку, где паслись и другие лошади. Это был совсем другой конь! В глазах его горел прежний огонь, погасший от плохой жизни в Париже, мускулы налились силой, шерсть лоснилась и блестела на солнце, хвост и грива отливали шелком... Словом, лорду Годольфину очень понравился этот жеребец, и он решил получить от него потомство. Однако Годольфин (так назвали этого жеребца) оказался очень привередливым женихом: всех невест он отвергал. И только когда увидел Роксану, стройную быстроногую кобылу, с явной симпатией подошел к ней знакомиться. Роксане он тоже понравился, и вот через одиннадцать месяцев родился у них сын Ла, основатель одной из трех главных линий английских скаковых лошадей — линии Мэтчема.

Гнедой Мэтчем, гнедой Хэрод и рыжий Эклипс считаются родоначальниками английской чистокровной верховой породы: к ним по мужской линии восходят родословные всех современных лошадей этой

породы. А арабские жеребцы, о которых рассказано выше, Дарли, Беверли и Годольфин — прямые предки Мэтчема, Хэрода и Эклипса.

В XVII и XVIII веках сформировалась прекрасная порода английских чистокровных лошадей: от скрещивания и тщательного отбора восточных жеребцов с восточными и местными кобылами. В ее начальных родословных книгах упоминаются 33 жеребца: 11 турецких, 10 варварийских, восемь арабских и 4 неустановленного происхождения. Среди кобыл — 22% британских («королевских»), 26% варварийских и марокканских и 52% неизвестной породы. Всего 60 кобыл-родоначальниц.

В нашем Всесоюзном научно-исследовательском институте коневодства были установлены особые физиологические свойства чистокровных лошадей, очень важные для длительной и резвой скачки. Оказалось, что у них больше, чем у других пород, и объем сердца, количество крови, содержание в ней гемоглобина и эритроцитов.

Масти: рыжая, гнедая, караковая, реже — вороная и серая.

У нас чистокровных английских верховых лошадей разводят многие заводы. По данным на 1969 год, в нашей стране было четыре с половиной тысячи чистопородных чистокровных лошадей и почти девяносто тысяч помесей.

Ахалтекинская верховая лошадь — знаменитый аргамак русских летописей и старинных казачьих песен! Сейчас это «наиболее чистая ветвь южной расы лошадей». Кровь ахалтекинцев приливали не раз ко многим породам Европы, даже и к английской чистокровной. Наши иппологи (Ю. Н. Барминцев, А. Б. Фомин и И. И. Сорокина) пишут об ахалтекинской лошади так: «Она может быть поставлена в один ряд с другими немеркнущими творениями народов Востока — произведениями архитектуры, литературы и прикладного искусства».

Масти очень красивые: золотисто-гнедая, золотисто-рыжая, золотисто-буланая, но бывают и попроще — обычная гнедая, рыжая, вороная, серая.

Рекорды ахалтекинских лошадей: прыжки в длину — 8,78 метра, в высоту — 2,12 метра. Одна из лучших лошадей по выездке — ахалтекинский жеребец Абсент. Выступая на нем, заслуженный мастер спорта С. Филатов стал чемпионом XVII Олимпийских игр в Риме.

Эта порода была выведена в Туркмении, в оазисе Ахал-Теке. Ныне

ее разводят на Ашхабадском конном заводе, в некоторых других конных заводах в Казахской ССР и Дагестане.

В 1969 году в нашей стране было две с половиной тысячи чистопородных ахалтекинцев и пять тысяч помесей.

Донская верховая лошадь. Начало этой породы — XVIII и XIX века, в табунах донских казаков. Из дальних походов привозили они восточных лошадей (карабахских, персидских, ахалтекинских). Те смешивались с местными, в основном ногайскими лошадьми. Так получилась отличная кавалерийская лошадь, выносливая и крепкая. Позднее улучшали ее прилитием крови орлово-ростопчинских и английских чистокровных лошадей.

Большую часть донских лошадей разводят сейчас в конном заводе им. С. М. Буденного (Ростовская область) и в других заводах (в Казахстане и Киргизии).

Масть: рыжая, бурая, нередок и золотистый оттенок.

В испытаниях на дальность пробега некоторые дончаки прошли за сутки 305 километров. А Зенит, смешанной крови жеребец (доно-ахалтекино-казахских кровей), — 311,6 километра, «установив абсолютный рекорд в этом виде труднейших соревнований».

На 1969 год: 13,2 тысячи чистопородных дончаков и 357,7 тысячи помесей.

Буденновская верховая лошадь. Порода эта новая: зарегистрирована и утверждена в 1949 году. Вывели ее на конных заводах им. С. М. Буденного и им. Первой Конной армии. Дончаки и черноморская лошадь (потомок лошадей переселенных в XVIII веке запорожских казаков на Кубань) скрещивались с английскими чистокровными жеребцами. Сначала предназначалась она для армии, теперь — спортивная лошадь. У нее есть спортивные достижения: в Большом Пардубецком стипль-чезе (в Чехословакии) советский спортсмен победил в 1964 году на буденновском жеребце Прибой.

Масть в основном рыжая (больше 80%).

Подсчитано (в начале 1969 года): у нас почти 9 тысяч чистопородных буденновских лошадей и 75,3 тысячи помесей.

Тракенская верховая порода. По происхождению такая же старая, как и английская чистокровная. Конный завод «Тракенен» был основан

в Германии в 1732 году. К концу XVIII века в нем было уже около 400 племенных производителей очень пестрого состава: большинство местных, выращенных в «Тракенене» и соседних хозяйствах, но были и английские чистокровные, турецкие, датские, испанские, неаполитанские и прочие. Но в 1799 году чистокровных английских лошадей в заводе было уже 50%. Среди них и превосходный жеребец Артур, отличного экстерьера и прекрасный производитель. Он был внуком ахалтекинца Туркмен-Атти, а по матери — внук Эклипса и правнук Хэрода. Артур оказал большое влияние на формирование тракенской породы.

В начале 1945 года, когда немецкие войска поспешно отступали, лошадей из «Тракенена» они не вывезли, и, брошенные, некормленные, непоенные, они погибли бы, если б их не перевезли в конный завод им. С. М. Кирова (Ростовская область). Там и разводят их сейчас (а также и в других заводах).

Тракены были отличными кавалерийскими лошадьми, теперь — это спортивные лошади высокого класса. Они ценятся у нас и за рубежом.

Масти: гнедая, караковая, вороная и рыжая.

Квотерхос и гунтер. Несколько слов еще о двух интересных верховых породах. Квотерхос, или четвертьмильная лошадь, выведена в американских штатах Каролина и Виргиния. Там еще триста лет назад очень популярны были скачки на четверть мили (400 метров). В результате получилась отличная лошадь: на четверть мили в резвости она не уступает чистокровной английской (и даже будто бы превосходит ее). Очень приемистая: с места быстро набирает большую скорость, на полном скаку резко меняет направление или останавливается внезапно «как вкопанная» на полном карьере.

Это ковбойская лошадь, все упомянутые ее свойства очень хороши и ценны для пастухов больших стад скота. На этих же лошадях ковбои выступают на родео (вы видели эти состязания в кино и по телевидению: кто дольше усидит на спине необъезженной лошади или на быке, скачки фургонов и сопровождающих их всадников и пр.).

Гунтер — это, собственно, не порода, а помесь чистокровных жеребцов с кобылами любого происхождения: важно лишь, чтобы кобылы были крепкого сложения, высоки ростом и сильные.

Этих лошадей-метисов получают для парфорсных охот. Скачут всад-

ники по местности весьма неровной: крутые спуски в овраги, подъемы, канавы, прыжки через многие препятствия — все это должны преодолевать гунтеры в течение нескольких часов, пока длится охота.

А что это за охота такая — парфорсная?

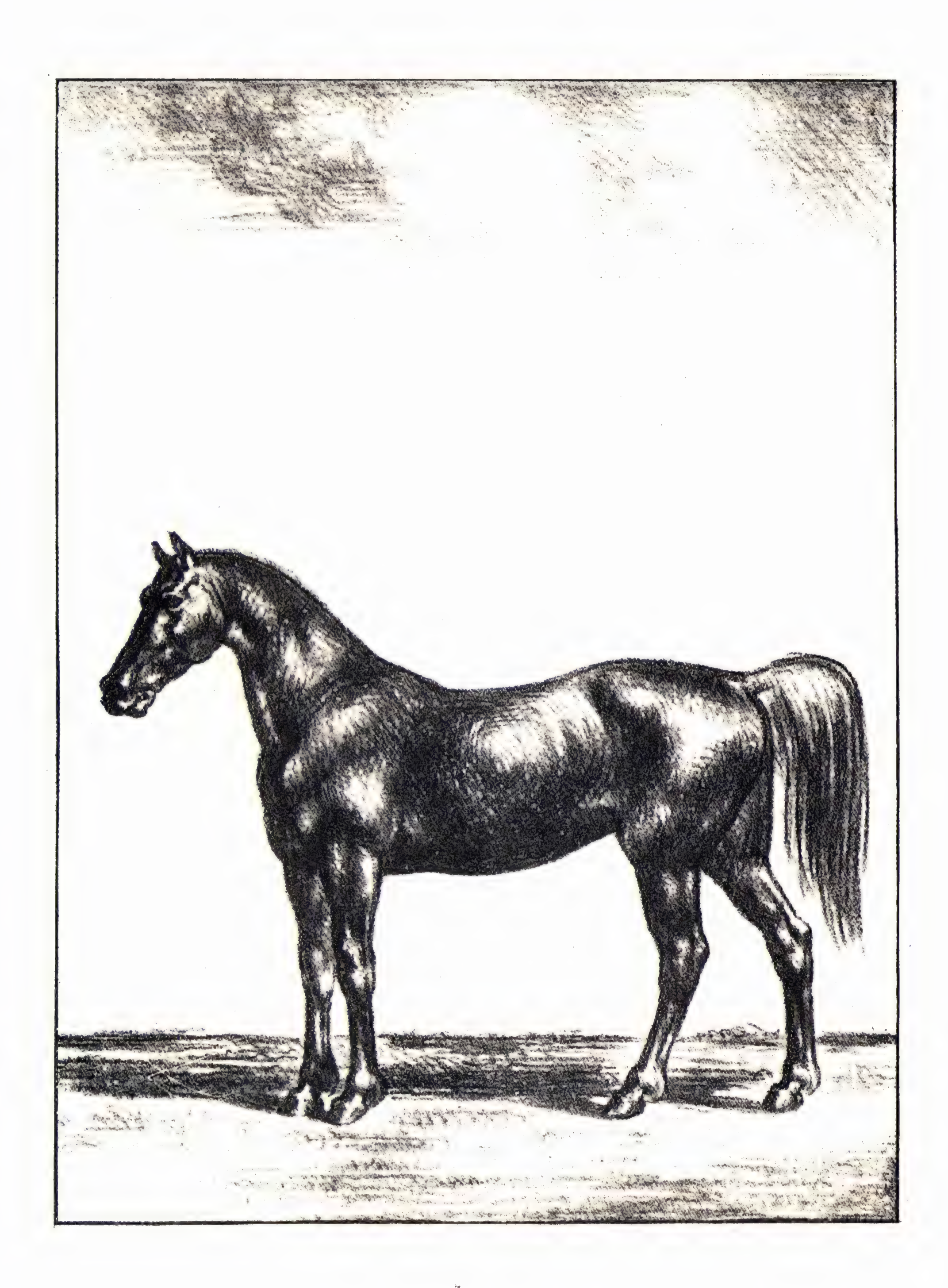
У нее три основных вида. Первый — без собак. Всадники гонятся за лисой. Настигнув ее, стараются на всем скаку схватить за хвост. Вторая — «волокуша». Один из егерей едет по предполагаемой трассе охоты и волочит за собой по земле губку, пропитанную особо приготовленным раствором с запахом лисы. Затем по этому следу напускают гончих собак, за ними скачут всадники, опережая друг друга. Третий — настоящая в чистом виде, так сказать, парфорсная охота. Гончие с лаем преследуют зверя по следу. За ними мчатся охотники на лошадях. В Англии традиционный зверь таких охот — лисица. Во Франции загоняют так оленей и кабанов.

В России парфорсные охоты были не только с гончими, но и с борзыми собаками. Гончие поднимали зверя (обычно волка) с лежки и с громким лаем гнали его. Когда зверь выбегал на открытое место: в поле, на луговину, большую поляну среди леса,— напускали на него борзых собак. За ними скакали на лошадях охотники. Борзые лишь останавливали зверя, прижимали его к земле, ухватив со всех сторон. Важно было вовремя поспеть, чтобы заколоть добычу.

Орловский рысак — одна из самых красивых в мире упряжных лошадей. Он своеобразен и наряден по экстерьеру и в то же время резвый настолько, что довольно успешно выступает на международных бегах.

Порода выведена в конце XVIII века графом А. Г. Орловым. Вначале селекционная работа велась в подмосковном селе Остров. Лошади лучших пород были выбраны в качестве исходного материала: арабские, датские, голландские, мекленбургские и прочие. В 1776 году (по другим данным в 1775 году) А. Г. Орловым был куплен арабский жеребец высокого класса Сметанка. Редкий случай: у него вместо 18 было 19 ребер! К сожалению, Сметанка прожил только год, и лишь несколько детей осталось от него, но и они оказали большое влияние на формирование породы.

В 1788 году племенных лошадей перевели из Острова в новый конный Хреновский завод (Воронежская губерния). Здесь уже в первые годы в работе по созданию рысистой породы было около 150 племенных кобыл.



Из разных вариантов скрещивания остановились на сочетании арабских, датских и голландских лошадей. В 1784 году (еще в Острове) родился серый жеребец Барс I, внук Сметанки и родоначальник рысистой орловской породы.

В начале XIX века орловских рысаков стали покупать другие коннозаводчики, а в середине века их разводили уже на ста конных заводах России. Рысистые бега, которые систематически стали проводиться в Москве с 1834 года, показали достоинство и превосходство орловских рысаков над всеми другими, бывшими тогда в России.

Масти: наиболее обычная серая, но много и вороных, гнедых, редко рыжие.

В СССР (по данным на 1969 год) 25,5 тысячи чистопородных орловских рысаков и 7751 тысячи помесей. Разводят их почти по всей стране, кроме Крайнего севера и южных горных районов.

Русский рысак. Порода получена от скрещивания орловского и американского рысаков. В результате получена лошадь с лучшим экстерьером, чем у американских рысаков, и более резвая, чем орловские рысаки: лишь на какие-то пять секунд (в беге на 1600 метров) рекорды русских рысаков ниже, чем у американских.

Русские рысаки довольно успешно выступают на международных соревнованиях. Пользуются они спросом и как производители для улучшения сельскохозяйственного конского поголовья.

В нашей стране примерно 25 тысяч чистопородных русских рысаков и более 900 тысяч помесей.

Американская стандартбредная порода (иначе именуемая американским рысаком, но поскольку сейчас в этой породе иноходцев больше, чем рысаков, примем и мы официальное ее название — стандартбредная).

Выведена с конца XVIII века и до середины XIX. Предками были чистокровная английская, норфолькский рысак, арабские, варварийские и другие лошади. Основателем породы считается жеребец Гамблетониан X рождения 1849 года.

В наши дни в Америке в каждом из десяти заездов в восьми бегут иноходцы и лишь в двух — рысаки. Спрос на иноходцев возрос потому,

что они более устойчивы в беге, меньше «сбоят» (то есть скачут галопом), лучше увеличивают скорость от «посыла» наездника и по резвости, как правило, превосходят рысаков. В 1970 году подсчитано: в США 865 иноходцев, способных пройти милю за 2 минуты и резвее, и только 202 рысака такого класса.

Иноходь бывает врожденным аллюром, но может быть и специально выработана определенной тренировкой, как это делают американцы: они так спутывают ноги лошади, что иным аллюром, кроме как иноходью, она бежать не может. В США есть лошади, которые выступают на ипподромах то как иноходцы, то как рысаки.

Американцы первыми применили и двухколесные легкие коляски — «сулки», у нас называемые «качалками». Мировой рекорд для рысаков принадлежит Невель Прайду (прошел 1600 метров за 1 минуту 54 4/5 секунды). После того как установил он этот рекорд, владелец продал его группе коннозаводчиков за три миллиона долларов!

Розалинд установила мировой рекорд для кобыл — 1 минута 56 3/4 секунды (на 1600 метров).

В СССР в Злынском конном заводе (Орловская область) начато разведение американских рысаков в чистом виде (без скрещивания с другими породами).

Масть: у большинства гнедая, реже встречается вороная, рыжая, серая, чалая.

Владимирский тяжеловоз — молодая порода: утверждена в 1946 году. Выведена во Владимирской и Ивановской областях путем скрещивания местных лошадей с английскими тяжеловозами шайрами и, главным образом, с клейдесдалями.

«Установленный на владимирском тяжеловозе рекорд на скорость доставки груза рысью одновременно представляет собой и абсолютный рекорд для тяжеловозов всех пород» (Ю. Н. Барминцев, А. Б. Фомин и И. И. Сорокина).

Масть — гнедая, реже вороная или рыжая.

Советские тяжеловозы — самые сильные у нас лошади. Выведены путем скрещивания и дальнейшей селекции барбансонов с местными упряжными лошадьми и помесями битюгов, першеронов, арденов. Порода официально признана в 1952 году.

В состязаниях по максимальной грузоподъемности мировой рекорд установил советский тяжеловоз, шестилетний жеребец Форс, в 1951 году. Он провез (на телеге с колесами на подшипниках и пневматических шинах) груз в 22 991 килограмм на расстояние 35 метров!

Другие рекорды советских тяжеловозов из области совсем иной: они «конкурируют» с коровами по надоям молока.

На кумысной ферме ВНИИ коневодства в 1968 году, например, за лактацию (то есть за время, пока кобыла способна давать молоко, примерно 6—7 месяцев) средняя молочная продукция этих лошадей — 3287 литров молока. Рекордный удой получен от кобылы Франтихи — 3310 литров за 205 дней. Это не считая молока, выпитого жеребенком (примерно 700 литров).

Масти: рыжая и рыже-чалая, реже гнедая и гнедо-чалая.

Советских тяжеловозов у нас 192,3 тысячи, в том числе 7,3 тысячи чистопородных.

Зарубежные тяжеловозы. Их много разных пород — около 40. Но основное поголовье составляют четыре из них: бельгийская рабочая лошадь, першероны, клейдесдали и шайры.

Бельгийская рабочая лошадь когда-то была боевым рыцарским конем. В наши дни — это самая крупная в мире лошадь: рост ее — до 180 сантиметров. Рекорд — 198 сантиметров и вес 1374 килограмма!

Эта лошадь растет быстро, двухлетки уже перевозят тяжелые фургоны. Нрав — мирный и доброжелательный, лошадь неприхотливая. Ее разводят во многих странах мира, даже в Южной Америке. Холод северных широт и жару южных она переносит легко.

Першероны выведены в начале XIX века во Франции, в провинции Ла Перш. Больше, чем к другим тяжеловозным породам, к першеронам было прилито крови арабских и других восточных коней. Прежде это была лучшая порода для почтовых дилижансов и городских омнибусов. С хорошей рысью, темпераментная, красивых форм. Теперь область применения першеронов — сельское хозяйство.

Разводят во многих странах Европы, Африки, Азии и Америки. У нас особенно много першеронов в Воронежской и Тамбовской областях, где созданы для них племенные фермы.

В СССР — 600 чистопородных першеронов и 34,2 тысячи помесей.

Клейдесдали выведены в долине реки Клайд (в Шотландии). Сильные

энергичные в работе лошади. Рост их до 172 сантиметров в холке. Вес — до 1100 килограммов. Их примечательная особенность — густо обросшие волосами ноги: так называемые «фризы». Масть: темно-гнедая с белыми отметинами на голове и ногах.

У шайров фризы еще более длинные и густые. Шайры — одна из старейших лошадей Англии. В былые времена предками их являлись боевые рыцарские кони. Ныне очень крупная и массивная сельскохозяйственная лошадь: ростом до 175 сантиметров и весом до тонны и больше. Разводят ее во многих странах мира. У нас шайры были использованы вместе с клейдесдалями в выведении владимирского тяжеловоза.

«Снова к лошади» можно было бы назвать следующий эпизод в истории шайров. Дэвид Кей, заведующий сбытом одной из пивоваренных фирм Англии, долго и упорно настаивал перед правлением фирмы о переходе на конный транспорт в доставке пива потребителям. Наконец ему разрешили купить трех шайров, от услуг которых фирма отказалась еще в 1927 году. Это нововведение имело полный успех: в 1965 году план доставки двух тысяч тонн пива в год на трех лошадях был перевыполнен, а подсчет показал, что перевозить пиво на лошадях дешевле, чем на автотранспорте. Теперь эта фирма приобрела уже девять вороных шайров и предполагается покупка еще нескольких лошадей, через сорок лет забвения вновь завоевавших почет и уважение.

Эпизод, казалось бы, незначительный. Но отражает общую тенденцию в мире — повышенный интерес к лошади во многих областях человеческой культуры: сельском хозяйстве, транспорте, пищевой промышленности, медицине, туризме, народных играх и особенно спорте.

Показательно, что на рысистых бегах и скачках в США в 1968 году, например, побывало больше людей, чем на соревнованиях в любом другом виде спорта.

Лошадь снова входит в моду. В городах и в сельских районах число ферм, ранчо и станций проката верховых лошадей растет с каждым годом. Конный туризм и конный спорт расширяют круг своих поклонников и любителей. Разве плохо прокатиться неспеша на чистом воздухе в коляске, запряженной прекрасной лошадью? Ушедшая было в историю профессия извозчика кое-где возрождается...

Сколько здоровья приносит конный спорт и просто верховая езда! Причем и тем и другим заниматься можно в любом возрасте: в детстве, в молодости, в старости. Конный спорт великолепно развивает ноги, мышцы рук, торс, а следовательно, и осанку.

Нет, рано лошадям в архив! Такое прекрасное животное должно жить и радовать нас своей красотой, силой, умом.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Акимушкин Игорь Иванович

НА КОНЕ—ЧЕРЕЗ ВЕКА

ИБ № 3747

Ответственный редактор *Г. А. Иванова*
Художественный редактор *Б. А. Дехтерёв*
Технический редактор *Г. Г. Седова*
Корректоры *Л. Г. Петроченко* и *Н. Г. Худякова*

Сдано в набор 27.11.80. Подписано к печати 21.05.81. А07025. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,19. Усл. кр. отт. 8,55. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 794. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Акимушкин И. И.

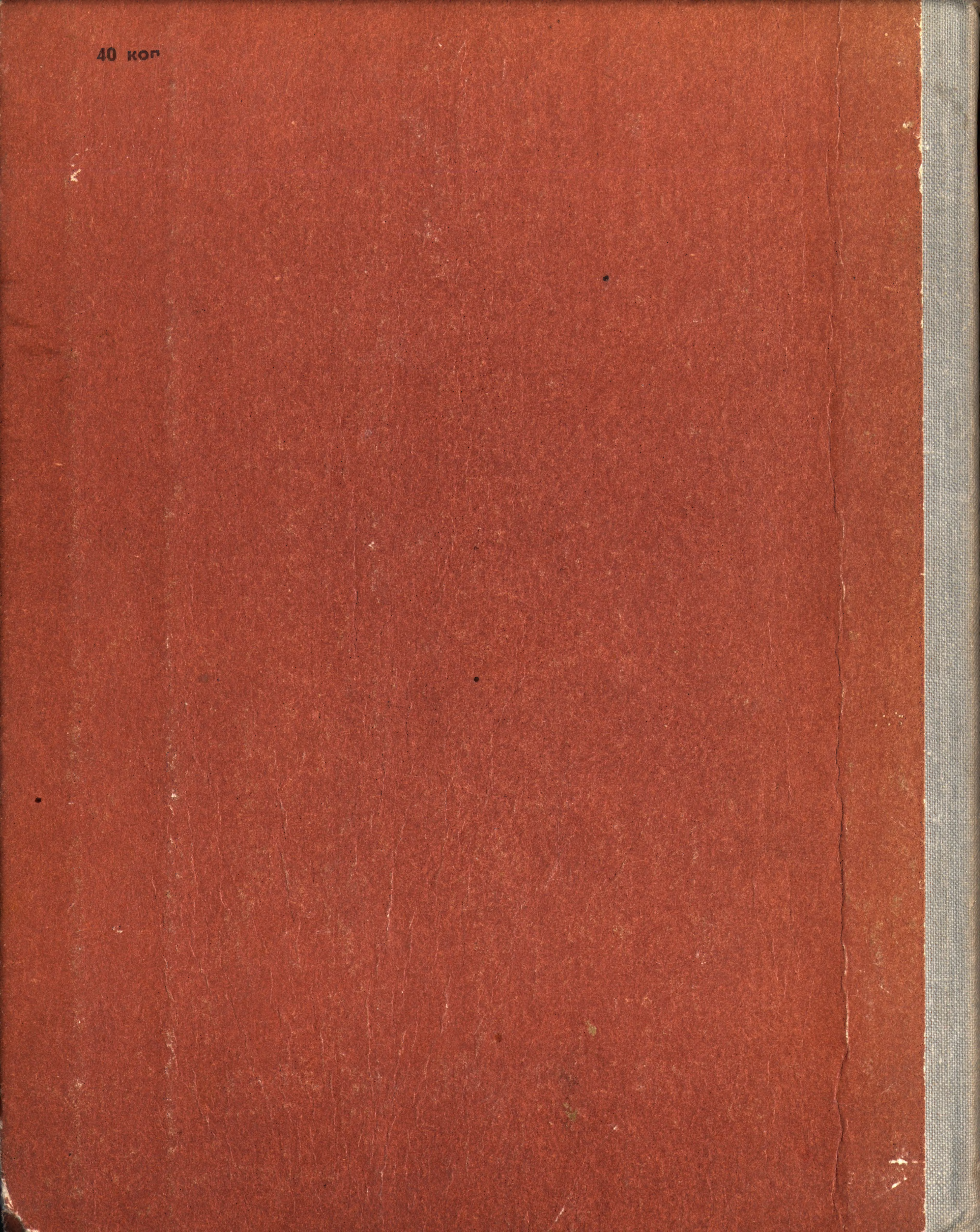
А39 На коне — через века: Научно-художественная лит-ра/Рис. И. Нахимова.—М.: Дет. лит., 1981.— 111 с., ил.

В пер.: 40 к.

Писатель рассказывает об эволюции и биологии лошади, об использовании ее человеком в прошлом и настоящем.

А $\frac{70803-351}{М101(03)81}$ 435—81

636.1 ББК 46.1


40 коп